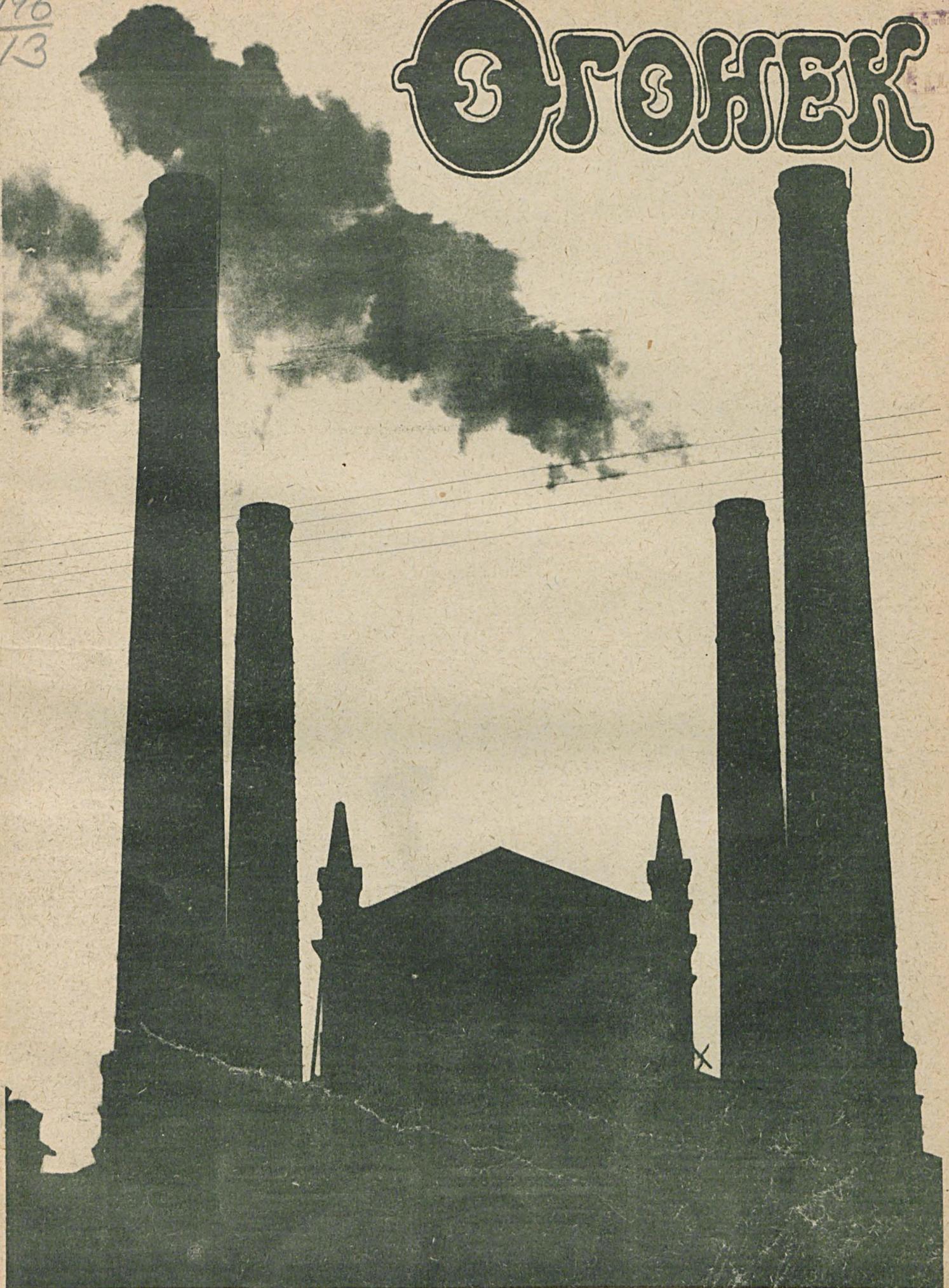

146
13

Огонек

СИЛУЭТЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Фото-этиюд А. Шайхета.

СОВЕТСКОЕ ФОТО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ФОТО-ЛЮБИТЕЛЬСТВА
и ФОТО-РЕПОРТАЖА.

Требуйте во всех газетных
киосках

№ 4 (апрель)

В номере: урок фотогра-
фии для начинающих; отдел
усовершенствования для по-
готовленного фото-любителя.

МНОГО ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Цена 50 коп.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: с апреля до
конца 1928 г. (9 мес.)—3 р. 60 к.,
6 мес.—2 р. 50 к., 3 мес.—1 р. 25 к.

Москва 6, Страстной бульв. 11, Анц. О-ву „ОГОНЕК“.

СОВЕТСКОЕ ФОТО

№ 4 АПРЕЛЬ 1928

ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

высылаются непосредственно с ЗАВОДА.

- Серия „А“ Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка
в изысканном футляре—21 предмет.
„Б“ 2 р.— Карманная аптечка—21 предмет.
„В“ 3 р.— Домашняя аптечка в спец. ящике
для хранения лекарств—24 предм.
„Г“ 5 р.— Домашняя аптечка в спец. ящике
для хранения лекарств—31 предм.
„Ж“ — 50 к. Спортивно-карманная аптечка—
8 пр. (высылаются не менее 8 шт.)

ГОСМЕДТОРГПРОМ

ХИМФАРМЗАВОД
им
Н.А. СЕМАШКО
МОСКВА

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.

Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш
точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложен-
ным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ
вышится на отрезном купоне переводе.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.)
пересылка бесплатно. При наложен. платеже пересылка
за счет заказчика.

Прейс-курант высылается БЕСПЛАТНО.

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылок № 7.

ПОСЛЕДНЯЯ МОДА ПАРИЖА

Ожерелье из жемч. искл. франц. типа „Кепта“ мас-
сивн., тяжеловесн., не бьющ., не отлич. от наст.,
разм. 42 сант. с сер. замк.—11 р.; 49 сант. с сер.
замк.—14 р., 180 сант.—26 р. Серьги того же типа
„Кепта“ серебр.—4 р. 65 к. с перес. и упаковк.

Высылаю налож. платежом.
Ленинград, Пр. Нахимсона 15, кв. 29/6 Л. Штейн.

МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ ПОКУПАЮТ

АРОМАТИЧЕСКИЕ ЛЕПЕШКИ
„РИЧАРД ВЕРДО“

для моментального пригото-
вления разных напитков,
настоек, коньяка и ликеров
прекрасного качества, вкуса
и аромата.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!

Цена 30 (тридцать) коп. коробка
Главный склад П. ЗАЙЛИН.
Ленинград, Колокольная 13.

По первому требованию высе-
лаем ассортимент в количе-
стве не менее 10 коробок нало-
женным платежом.

ПЕРЕПРОДАВЦАМ СКИДКА.

УВЕЛИЧЕН. ПОРТРЕТ

Художеств. выполнен. в паспарту
может КАЖДЫЙ ПРИСЛАВ
получить ЛЮБУЮ
ФОТОГРАФИЧЕСК. КАРТОЧКУ.

Ц Е Н Ы :
18 × 24 см. — 6 р. 30 к.
24 × 30 см. — 8 р. 20 к.
30 × 40 см. — 12 р. 05 к.
40 × 50 см. — 14 р. 75 к.
50 × 60 см. — 24 р. 85 к.

ПОРТРЕТ высылается по полу-
чению карточки через 2 недели
наложенным платежом
(без задатка).

Заказы направлять:
Москва, Поч. ящик 875,
или

Пльинка, Ипатьевский пер. 6
(ФОТО-ОТДЕЛ).
ПРОМ. КООПЕР. КИНО
Т-ву „КУЛЬТИНО“
Фотография возвращается
в сохранности.

МАРКИ Прейс-курант
БОНЫ № 5 бесплатно
ГОС. магаз.
ОТКРЫТИИ монеты марок
Ленинград, Пр. 25 Октября, 16.

ПОСТУПИЛИ в ПРОДАЖУ НОВЫЕ КНИГИ ОБРАЗЦЫ И ФОРМЫ ДЕЛОВЫХ БУМАГ

ПОЛНОЕ
ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО
для составления всех видов
договоров, обязательств, иско-
вых и др. заявлений по граждан-
ским делам, жалоб и заявлений
по уголовным и административ-
ным делам, деловых бумаг по
семейным, брачным, опеку-
ским, жилищным, земельным,
трудовым, торгово-промышлен-
ным, налоговым и мн. др. делам,
а также по делам, коопера-
ции.

Составил С. А. Алфеевский, под
редакт. профессора А. М. Винавера.
Цена книги (758 страниц) в пере-
плате 7 р. 50 коп.

УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС

ПРАКТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
профессоров П. И. ЛЮБЛИНСКОГО
и Н. И. ПОЛЯНСКОГО.
Издание 2-е, переработанное и до-
полненное.
Цена в переплете 5 р. 40 к.

Права студентов-практикантов и стажеров

в вопросах и ответах.
С приложением действующих дек-
ретов, постановлений, циркуля-
ров и инструкций. Сост. М. Хац
и П. Чернышский. Ц. 75 коп.

Оплата командировок

и перемещений в СССР и за гра-
ницей. Сборник декретов, постано-
влений, инструкций, правил, цирку-
ляров и разъяснений. Практика
НКТ СССР, РСФСР и др. ведомств.
Составил П. Чернышский под ред.
зав. кафедрой МГСПС М. Бухова.
Ц. 80 к.

Многогородки, высыл. налож. платеж.
При высылке денег вперед, пере-
сылка бесплатно.

Кооперативное издательство
„ПРАВО И ЖИЗНЬ“,
МОСКВА 34,
Ул. Кропоткина 17/1.

Каллиграфия С. Вольченка.

ИЗДАНИЕ „КНИГОСОЮЗА“.
Только по этому САМОУЧИТЕЛЮ,
существующему 40 лет, действи-
тельно научиться писать изящно,
быстро и правильно. Цена 1 р. 25 к.
Налож. платеж. дороже на 25 к.
Москва, В. Молчановка, 18/0.
Всесоюзный Кооперат. Издат. Союз
„Книгосоюз“.

КЛАССИЧЕСКИЙ ТРУД профессора Августа Фореля.

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Полный перевод с немецкого яз.
Краткое оглавление. Происхо-
ждение живых существ. Беремен-
ность. Половое стремление. Се-
ксуальная любовь. Исторические
формы половой жизни. Половые
болезни. Половые извращения.
Половая гигиена.
Цена за оба тома о перес. 4 р. 50 и.
Адрес: Москва, улица Герцена, 22/3.
Книжное Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗ.

не следует изучать по устаре-
лым методам. Лучшим при-
знаем новый метод Шертиера,
не требующий заучивания
слов и правил. Немецкий са-
моучитель, в 10 выпусках, в
обработке Б. Шмелева, доп.
Гос. Уч. Советом, высыл. за
2 р. 85 к. Курс англий-
ского языка в 60 лек-
циях высыл. за 3 р. 15 к.
МОСКВА, ул. Герцена, 22/3.
Книж. Дело „Просвещение“.

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ „ПОЛИГЛОТ“

„Ростов и Дону“ (сущ. с 1917 г.),
сост. в вед. С.-К. КрайОНО.
ПРЕДМЕТЫ: бухгалтер. (общ., фабр-
зав., банковск.), полирует „Де-
финитис“, нем. выч., нереспр.,
делопроизв., стеногр. испр. по-
черна, маш.-строит. и архит. чер-
рисуван. Требуется БЕСПЛАТНО
проэнт и условия.
Плата от 1 до 3 р. в месяц.
По окончании курсов выдается
свидетельство.

ВЫ МОЖЕТЕ получить обра- зование в объеме ПРОМЫШЛЕННО-ЭКОНОМ. ТЕХНИКУМА, оставаясь в своем городе и не отры- ваясь от своих повседневных занятий.

При 2-м Ленинградском Промышленно-Экономическом Техни-
куме (б. Высшие Торгово-Промышл. Курсы, учр. М. В. Побе-
дницким в 1897 г.) открыты

ГОС. КУРСЫ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

для подготовки и повышения квалификации бухгалтеров, сче-
товодов, работников торговых, промышленных и кооператив-
ных организаций и т. п.
Принимаются лица с общим образованием в объеме 1-й ступ., для
умения самостоятельно работать над популярн. научн. текстом.
Первый год обучения. Общие счетоводство. Коммерческие
вычисления. Делопроизводство и коммерческая корреспонден-
ция. Государств. строй СССР. Экономическая география. Орга-
низация потребительской кооперации СССР. Статистика. Тор-
говое право СССР. Промышленное право СССР. Счетоводство
потребительской кооперации. Фабрично-заводское счетовод-
ство. Калькуляция. Допускается запись на отдельные предметы.
Курсы оказывают содействие в повышении квалификации
также учащимся друг. учебных заведений, включ. и заочных.
Руководство и консультации ВО ВСЕ ВРЕМЯ обучения.
Подробные сведения высылаются за д. 8-ми коп. марки.
Адрес: ЛЕНИНГРАД, Пресн. 25 Окт. 4, 102-я к.
ГОС. КУРСЫ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ.

ЕСЛИ ВАМ НЕОБХОДИМО ПОМЕСТИТЬ ОБЪЯВЛЕНИЯ В ПРОВИНЦИАЛ. ГАЗЕТЫ,

ОБРАЩАЙТЕСЬ в БЮРО ИНОГОРОДНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ
Анц. О-ва „ОГОНЕК“,—Москва 6, Страстн. бульв. 11.

„СЕКАРОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ“

ВЫТЯЖКА
из
СЕМЕННЫХ
ЖЕЛЕЗ
приготовленная
по способу
ПРОФЕССОРА
д-ра БЮХНЕРА

ЦЕНА ФЛАКОНА
2 РУБ.

ТРЕБУЙТЕ
во всех
АПТЕКАХ И
МАГАЗИНАХ
САНИТАРНИХ
СССР.

В СЛУЧАЕ
ОТСУТСТВИЯ
НА МЕСТАХ
высылается из
главного склада
на изд. № 11
44 флаконов
при получении
25% ЗАДАТКА

ПЕРЕСЫЛКА
и УПАКОВКА
ЗА НАШ СЧЕТ

ЛЕЧЕБ. УЧР.
И ВРАЧАМ
для испытания
„CRATIS“
входит в обязательное

„МОСКОПРМСОЮЗ“

ЛАБОРАТОРИЯ КООПЕРАТИВА
„Гален-Москва“ МОСКВА
ул. Герцена

XX 146
13

№ 17 (265). 22 апреля 1928 г.

ТРАГЕДИЯ КРУПНОГО УМА

В той бесконечной ленте „Викторины“, которая тянется не в серии номеров популярного журнала, а на страницах интереснейшей книги, именуемой жизнью, одной из загадочнейших загадок является то, что скрывалось под внешностью А. А. Богданова. С виду, по первому впечатлению, это был, как казалось, обыкновенный человек: умный, мягкий, чуткий, хороший, очень культурный. Он не блистал ораторским искусством. Его политическая карьера сложилась неудачно. Примкнув в 1904 г. к фракции большевиков, он резко разошелся затем (в годы столыпинской реакции) со своими бывшими политическими единомышленниками, стал во главе отколовшейся от партии группы „Вперед“, оторвался от пролетарских масс, политическим одиночкой встретил нашу Октябрьскую революцию, замкнулся затем в свои научно-исследовательские работы и кончил жизнь эффектной смертью, став жертвою своих научных экспериментов. В качестве философа он потянулся вслед за модернизированными идеалистами типа Маха и Авенариуса и тщетно пытался подогнать механизм под марксизм.

Но не с точки зрения этих чисто внешних моментов его биографии следовало бы подойти к оценке того несравненного и богатого дивными красками подлинного лица Александра Александровича, что скрывалось под маскою поверхностной оболочки его тонко организованного „я“. Интересно прежде всего отметить то обстоятельство, что он имел особое свойство привлекать к себе внимание, становясь объектом то самых теплых симпатий, то самой жгучей враждебности со стороны даже таких людей, которые умеют не замечать и проходить мимо всякого рода бесцветных ничтожеств, как бы они ни были претенциозны и крикливы. Владимир Ильич еще в тот ранний период своей жизни, когда он подбирал, так сказать, нужные ему аргументы для закрепления своей философской мысли, очень высоко расценивал Богданова, как автора книги „Основные элементы исторического взгляда на природу“. Это было во время минусинской ссылки в 1898—99 гг. Богдановская натур-философия того времени, далекая еще от уклона в сторону идеализма, пришлась в высшей степени по вкусу Владимиру

Ильичу, и он на все лады рекламировал ее нам, своим единомышленникам и товарищам по ссылке. Да и впоследствии, когда Владимиру Ильичу пришлось выдерживать за границей неравный бой с Плехановым и прочими новоискрывцами, он с радостью встретил ту подмогу, которую предложил ему Богданов, определенно ставший в 1904 г. на сторону большевиков, и только уж в период расцвета „отзовизма“ и „ультиматизма“, когда политические пути Ленина и Богданова разошлись в разные стороны, их отношения приняли резко антагонистические формы. Что же касается Плеханова, то он сразу не влюбил Богданова, как иначе-мыслящего в области философии, и не просто выступал против него со своей сокрушительной критикой, а не

нова? Не то ли, что он был разносторонне образованным европейцем, и не просто образованным, а прямо-таки выдающимся по своему образованию человеком? Это, конечно, не частое явление — особенно среди русских, с их отсталой культурой, но центр тяжести в деле отыскания „изюминки“, характерной для умственного и нравственного „я“ Богданова, лежит все-таки не в этом обстоятельстве. Точно так же с интересующей для нас точки зрения несущественное значение имела бы и попытка оценить общественную полезность его, как мыслителя, как великодушного популяризатора, как учителя многих революционных поколений, бравших первые уроки политической экономии по его всем известному курсу. Особенное, интимно

индивидуальное, лежавшее в основе трагедии его большой души, нужно было бы искать в его некоторых невольных полу-признаниях, имеющих почти что автобиографический характер.

Заглянем в утопию Богданова — в „Красную Звезду“. Герой романа — Леонид — несомненный alter ego (второе „я“, двойник) автора. По думам, настроениям и переживаниям этого героя можно в известной мере судить и об умонастроениях самого Богданова. Леонид — сродни „эллинам“. Со своей первоначальной подругой жизни Анной Николаевной, стоящей на точке зрения сурового нравственного долга, он резко расходится во взглядах по вопросам этики, и там, где Анна Николаевна с ударением говорит „нравственно должно“, он категорично долга спешит покрыть утилитарным принципом полезности деяния. Его душа неудержимо стремится к единству, к монизму не только в области науки, но и в жизни. Но наука еще далека от монизма, и в качестве жалкого суррогата монистической науки выступает философия. „Всякая философия, — говорит Богданов устами Натти, — есть выражение слабости и разрозненности познания, недостаточности научного развития; это — попытка дать единую картину бытия, запол-

А. А. Богданов (справа) играет с В. И. Лениным в шахматы у Максима Горького на Капри в 1908 г. У стола — М. Горький, слева — Вазаров.

отказывал себе даже в удовольствии больно ущипнуть его иной раз, доказывая этим всю силу своего недружелюбия к нему, как своему идеологическому антиподу. Что же было особенно замечательного в складе ума и психики покойного Богда-

ня предположениями пробелы научного опыта“. Что же касается этой самой картины бытия, то чуткий мыслитель, всегда готовый гипотезировать в развитии высших форм жизни осуществление принципа монизма в социалистическом обществе, не

Кабинет А. А. Богданова в институте по переливанию крови в Москве. Фот. А. Шайхета.

может закрыть глаза на вечно присущие жизни диалектические противоречия. Уж на что, кажется, хороша жизнь на Марсе, где монизм в сфере социального бытия, т.е. всепроникающий и всепобеждающий принцип коллективизма является величайшим достижением общечеловеческого прогресса. Личность растворяется в целом. Творцом является каждый работник, но в каждом работнике творит человечество и природа. Имена отдельных личностей, когда их уже нет, уходят в области забвения, ибо „балласт“ имен прошлого бесполезен для памяти человечества“. Смерть индивидуума — „ведь она — только смерть, не более“. Все производство и потребление основано на началах коллективного творчества, все хозяйственные процессы подчиняются планомерной деятельности коллективного разума, в основе всех их лежит статистический учет, обусловленный законом больших чисел.

И все-таки в этой картине, казалось бы, законченного единства перед глазами Леонида — Богданова — рисуется такая роковая бездна между новыми растущими противоречиями жизни, которая сразу уташает дух созерцателя марсианского социалистического рая. Стоило только автору представить себе момент истощения естественных благ на бедной энергетическими силами планете, как уже сам собою, с наглостью непрерываемого логического силлогизма, вырисовался ответ на вопрос: как быть в виду надвигающейся катастрофы? Нужно завоевать землю, нужно уничтожить целиком все нынешние населенные земли, — таков зловеющий приговор одного из марсиан, склонных на все лады воспевать любовь к людям, как основной принцип достигнутой на красной планете социалистической жизни. И этого одного обстоятельства достаточно, чтобы повергнуть Леонида в самую мрачную меланхолию. Где же, в таком случае, он, этот хваленый монизм? Как блуждающий огонек, он маячит перед глазами, но в руки не дается. И в душе Леонида пробуждаются все худшие инстинкты жителя земли. Посредством убийства

виновника вторгшейся в его душу дисгармонии он тщетно пытается найти выход из тех потемок, в которые погрузилась его душа.

Подводя итоги пережитому, он признается: „Новая жизнь мне недоступна, а старой я уже не хочу: я не принадлежу ей больше ни своей мыслью, ни своим чувством“.

Тем не менее, жертве этой трагической коллизии нужно же все-таки как-нибудь учить на земле, — т.е. учить не вообразимому визитеру на Марс, герою романа, а его творцу, вечно взыскующему красоты единства в мире. Пассивно прозябать, отдаваясь чувству меланхолии, он не может и не хочет, — для этого он слишком „элит“, слишком живой человек. Но и суровая борьба с ее страданиями, хотя бы даже и обладающими способностью „гармонизировать“ ум и волю человека, подчиняя их реально-монистической тенденции, является для него уже не родной стихией. Его активность, однако, пробивает себе дорогу в совершенно новой области. Уже в своей утопии он развивает ту мысль, что обмен крови между двумя человеческими существами может передавать другому массу условий для повышения тонуса жизни, внося глубокое обновление во все ткани обновляемого организма. И вот в последние годы своей жизни Богданов дает широкий простор своему творческому гению, осуществляя кусочек нарисованной им утопии в Советском институте по переливанию крови. Он здесь не теоретически, а уже экспериментально продолжает разрешать все ту же проблему о коллективном единстве человеческого бытия. Находит ли он в этой творческой работе полное удовлетворение своим стремлениям и желаниям? На это трудно дать определенный ответ, хотя хо-

чется сказать скорее *нет*, чем *да*. Ведь все-таки, он по своей природе принадлежал к числу тех „мятежных“, что постоянно „жаждут бури“. Смерть его представляется бесспорно прекрасным и величественным финалом большой и интересной жизни. А все-таки нам, простым смертным, останется психологически непонятным, как это человек с легким сердцем мог принести себя в жертву смерти, хотя бы даже и в интересах науки. Идейно он как будто бы не был противником самоубийства, его изблюбленные персонажи из числа марсиан грешили иногда склонностью к ликвидации своей жизни в минуты уныния и тоски. И герой его романа-утопии — Леонид — тоже

Александр Александрович Богданов. 1925 г.

не отличается большой твердостью в этом отношении. Быть может, и сам автор утопии сравнительно легко расценивал то благо, которое называется жизнью. Но как бы то ни было, современные люди земли не торопятся расставаться с этим благом, и если стены института по переливанию крови стали свидетелями таинственной богдановской драмы, то это, быть может, объясняется тем, что наш „марсианин“, увидевший своим просветленным оком новую красоту завтрашнего дня, не мог уже чувствовать себя по-мещански благополучным россиянином в этом старом мире.

В своем стихотворении: „Марсианин, заброшенный на Землю“ — он спрашивает:

И выбор тяжелый: уйти ли из жизни,
Где все оскорбляет мой взгляд,
С мечтой о дальней прекрасной отчизне,
Где братства и разум царят?
Иль жертву тоски и мучительной боли
Для жизни чужой принести,
Той жалкой, что, ощутив к счастью и воле
Стремясь, не находит пути?

Его мучает — „тоска по живой красоте единения, гармонии братства святой“...

И с этой тоской по „живой красоте единения“ он сходит со сцены. Какая идейно богатая жизнь! Какая великая, флуоресцирующая в сумерках нашего предрассветного периода „марсианская“ драма! Какой красивый, какой странно звучный заключительный аккорд этой драмы!

П. ЛЕПЕШИНСКИЙ.

Похороны А. А. Богданова в Москве.

Фот. А. Шайхета.

„АФГАНСКИЕ ДНИ“ В ЕВРОПЕ

Очерк Д. Заславского.

Аманулла-хан, эмир афганский, сам определил задачу своего путешествия по Европе такими словами: „Я хочу показать, что Афганистан занимает свое место на карте земного шара“.

Могущественная соседка Афганистана с юга—Англия—в течение многих десятков лет старалась убедить весь мир, что Афганистан не существует и не может существовать как самостоятельное государство. Как это принято в Англии, ее государственные мужи доказывали свои положения в Азии не словами, а пущками. Дважды через весь почти Афганистан проходили британские войска, превращая в пустыни цветущие селения, сея на пути свою смерть. Дважды—если считать крупные войны, длившиеся годами. Отдельным карательным экспедициям и палатам счет надо вести десятками.

Убедительны ли были эти бронированные аргументы Англии? Для империалистического мира и для реакционных вождей некоторых афганских племен—да. Для афганского народа—никогда! Царская Россия, соперник и соучастник в империалистическом грабеже Англии, формально признала права Англии на Афганистан, а это признание по тем временам означало признание и со стороны всей буржуазной Европы. Афганистан был предметом сделки между крупными соседними хищниками, и готовилась ему участь Индии.

Однако закабалить его по-настоящему Англии никогда не удавалось. За каждым покорением следовало неизменно восстание. В 1841 г. был поголовно вырезан весь английский отряд в 14 тыс. человек (спасся только один человек), расположившийся в Афганистане. С визитом Аманулла-хана в Англию совпадает как раз 50-летний юбилей большой войны, которую Англия вела против Афганистана в течение двух лет,—и без особого успеха. Ей удалось подкупать отдельных эмиров, которые за субсидию соблюдали внешнюю покорность, но ни разу не удавалось прочно и твердо осесть в Афганистане и приручить вольнолюбивое население. Лорд Керзон говорил, что англичане питают страх и суеверие к загадочному государству, не давшему себя взнуздать империалистической уздой.

Предиследняя страница новой истории Афганистана заканчивается восстанием народа против эмира Хабибулы, получавшего субсидию от английского правительства. Это было в 1919 г. Через снеговые горы, сквозь дикое ущелье дошел до Афганистана свежий революционный ветер с севера, из великой соседней страны, сбросившей со своей спины вековых паразитов. Не царская Россия, торговавшая независимостью Афганистана, оказалась теперь у него за спиной, а Советский Союз, освободивший народы бывшей империи от империалистического гнета. Англия это очень скоро почувствовала. Покорного Хабибулу сменил у власти третий сын его, Аманулла-хан. Ему было тогда 27 лет, и представлял он собой те верхи афганского народа, которые стремились к полноте власти в своей стране, которых увлекал пример Кемаль-паши и которые понимали, что борьба с империализмом может быть успешна только тогда, если опереться в этой борьбе на народ. Одним из первых шагов нового эмира было признание Советского Союза. Наше страна была тогда охвачена империалистической блокадой, и Афганистан был первым государством, призвавшим советскую власть. Результаты этого шага сказались немедленно: Англия, пытавшаяся силой вернуть себе прежнее

положение и поднявшая против Аманулла-хана реакционных вождей, отступила. Здесь один из глубочайших источников бешеной ненависти английского империализма к СССР. На многое пошла бы Англия Чемберленов, если бы Советский Союз, по примеру царской России, согласился торговать независимостью Афгани-

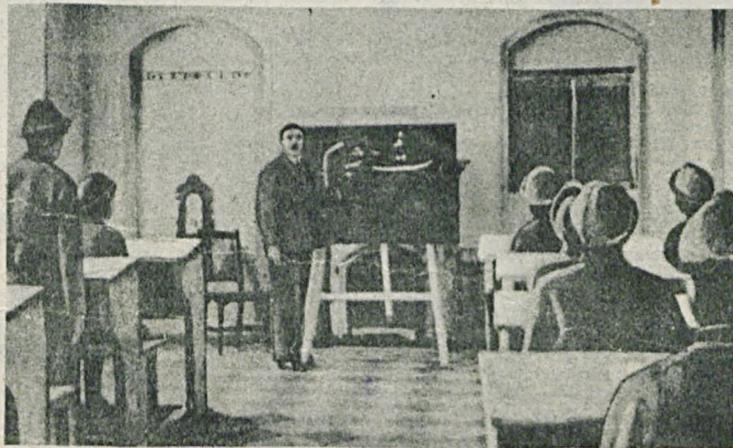

Аманулла-хан с женой в Европе.

стана. Но дружба Советского Союза с народами, борющимися за независимость, непоколебима. В 1920 году Англия, стиснув зубы в бессильной злобе, принуждена была формально признать независимость Афганистана.

Молодая буржуазия Афганистана понимает, что упрочить свое положение она может, только усилив страну экономически. Английский империализм умышленно держал в заgone страну, противился проведению железных дорог, поддерживал самые отсталые реакционные группы.

Аманулла-хан начал вводить реформы. Он сторонник европеизации Афганистана,

Шах Аманулла экзаменует школьников в столице Афганистана—г. Кабуле.

раскрепощения женщин, светского образования. Он и жена его первые из властителей Афганистана выехали за пределы своей страны, и притом в европейском платье.

Поездка Аманулла-хана по Европе и прием его в главных государствах должен показать всему миру, что афганский эмир не прежний вассал Англии. Хотя между Англией и Афганистаном отношения внешне

дружественные, но о взаимном хотя бы минимальном доверии говорить не приходится. В Афганистане можно сейчас встретить не мало иностранцев, особенно иностранных инженеров и техников: немецких, французских, советских (советские спецы не мало оказали услуг Афганистану в авиации, радиотехнике и др.),—англичан там почти нет. Афганцы англичанам не доверяют, памятуя опыт своей истории и зная, что каждый английский специалист или купец является агентом воинствующего английского империализма.

С первого дня поездки Аманулла английская империалистическая печать зорко следила за ним. В Индии эмир выразил сочувствие борьбе народа за свою независимость и напомнил, что Афганистану пришлось 80 лет вести отчаянную борьбу. В Лондоне это отметили и поставили на счет. В Египте Аманулла точно так же не скрыл своих симпатий к египетским националистам, ведущим борьбу с английскими угнетателями, и это тоже поставили в Лондоне в строку. Английские журналисты уже в Египте запрашивали эмира об его отношении к Англии. Эмир уклонился от ответа. Он сказал, что сообщит об этом после визита в Англию и беседы с английским министром иностранных дел. Эмир уже побывал в Италии, Франции, Германии. Всюду его принимали очень хорошо, и подчеркивалась его приемом выдающаяся международная роль Афганистана, как государства, соседнего с Индией. В Германии и Франции эмир вел переговоры с капиталистами и инженерами о сооружении в Афганистане железных дорог и промышленных предприятий. Обратило на себя внимание то, что, будучи в Женеве, эмир не пожелал встретиться с представителями Лиги Наций и игнорировал это „высокое“ учреждение. В Берлине эмир принимал, к великому неудовольствию английской печати, делегатов от египетских и индийских националистов.

В Англии эмиру ежедневно показывают маневры всяких видов оружия: морские, воздушные, сухопутные. Возроптала, наконец, английская либеральная печать: что же, мол, это—неужели нам нечего, кроме пушек и танков, показывать афганскому гостю? Но парадирование военной мощью имеет определенный характер. Не имел возможности произвести морскую демонстрацию у берегов Афганистана,—ибо нет в природе таких берегов,—английское правительство старается заучугать эмира грозным видом своей эскадры.

Это совершенно в духе английского империализма, основное положение которого в том, что „азиаты уважают только силу“.

Эмир смотрит и молчит. Из всех его визитов—английский пока наиболее безмолвный. В первый день, на пожелание дружеских отношений в приветственной речи английского короля, Аманулла-хан ответил пожеланием *подлинно*—хороших, и эту поправочку английская печать проглотила. А банкет у министра иностранных дел прошел совсем *без речей*. В Англии супруга эмира оказалась более словоохотливой, чем эмир, и довольно пространно и лестно отозвалась... об английских женских модах.

И уже на третий день после приезда эмира английская печать стала распространять слухи о том, что в Афганистане неблагоприятно, происходит какое-то восстание, что супруга эмира очень устаюла, нуждается в отдыхе, и эмир намерен сократить свою поездку и ехать прямо в Афганистан, минуя СССР. Провокаторская цель этой кампании была слишком грубо обнажена.

Д. Заславский,

Довать лет насилья и предательства празднует замуссолини- ная Италия. 25 марта Муссолини поздравлял и принимал поздравления по поводу 9-летнего юбилея фашизма. Разве-вались знамена, гремели оркестры и с гордой осанкой добле- стный «дюче» делал смотр параду фашистов. Нехватало только одной маленькой таблички,—о, пустяки, всего несколько цифр. А жаль, нам было бы это небезытересно! Речь идет о списке жертв фашизма—убитых предательски из-за угла, за-

мученных в застенках. Но пусть не беспокоится его фашистское величество. Этот список ведется. Скоро настанет день, когда подведется итог и счет будет пред'явлен ко взысканию!

Оназывается, виноват револю- вер. Правительства Италии, Франции и Англии озабочены сейчас проведением закона, запрещающего свободную про- дажу оружия частным лицам. Застрелщиком в этом отноше- нии явился Муссолини, еще в 1927 г. приступивший к кон- фискации оружия у частных граждан. Вызваны эти меры участвовавшими убийствами, поводом к которым зачастую служат ревность, месть, прин- ципиальный спор и т. д.

Во время дебатов по этому вопросу член франц. палаты депутатов, выступая за безусловное запрещение свобод- ной продажи оружия, направил игривый револьвер на своих слушателей и тут же был снят представителями буржу- азной прессы для устроения «безащитного» буржуа.

Английская пресса объясняет легкость, с которой мирные люди теперь берутся за ору- жие, тремя не лишними оригинальными причинами: 1) привычкой к оружию за время войны, 2) влиянием кино,

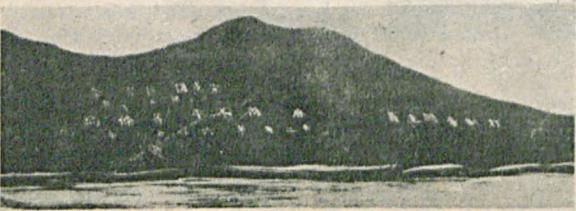
3) распространением комму- низма. Последнее заявление подчеркивает и без того оче- видную истинную подоплеку внезапной заботы о целости и сохранности своих поддан- ных—боязнь перед вооружен- ным пролетариатом.

Германия хочет надеть иорону. Германия—жена бывшего гер- манского кайзера—скучает в Доорне (Голландия), ее не удовлетворяют обязанности жены и хозяйки. Не для того она вышла замуж за бывшего кайзера. Мечты ее стремятся к власти. Германская реакция никогда еще не выступала так агрессивно, как теперь. Мо-

нархическая организация избрала своей штаб-квартирой Доорн, а предводителем Гер- манию. Ни она, ни Вильгельм не скрывают своего намерения организовать в будущем рейхстаге монархическую фракцию сторонников Гоге- целлернов. Под этим знаком проходит предвыборная кам- пания буржуазии.

Сиринья революция. Над целым рядом деревень, сел и местечек Гуандуна плещется пламенем красное знамя. Иадали из-за розовых очков самонадеянной реакции, число красных революционных стягов может показаться преумь- шенным, но в действительности героическая борьба 400-мил- лионного населения имеет грандиозное историческое значение.

На снимке: революционные надписи, начертанные белой краской на сером фоне скал близ города Ичана. В переводе на русский язык они означают: «Долой империализм! За осуществление революции! Долой неравноправные договоры!» Эти надписи видны с реки на далеком расстоянии и горят, как смертный приговор генеральскому террору.

И здесь Чемберлен. Экономическому развитию Персии мешают ряд причин, главнейшей из которых является безрабо- жье.

Правительство Риза—шаха отлично понимает потребность страны и приступило к проведению ряда шоссеых и же- лезных дорог. В числе выбран- ных направлений имеется и такое, которое, идя с севера на юг по меридиану, пересечет всю Персию и соединит Кас- пийское море с Персидским заливом. Наиболее трудным участком дороги является от- резок между Хурем-Абадом и Дисфулом. Здесь против энер- гичных строителей ополчилась природа и... Англия. Первая нагромодила трудно преодо- лимые горы, вторая восстано- вила против строителей воин- ственные племена Лурстана, которые являются в е р н ы м

орудием в руках англичан каждый раз, когда надо ока- зать нажим на персидское правительство.

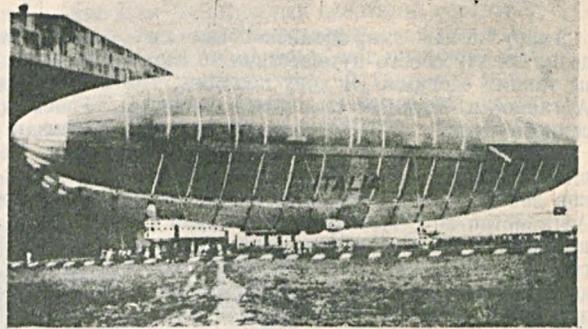
На-днях жертвой этой оче- редной английской интриги стал молодой и энергичный министр общественных работ Персии Абдулла-хан Тахма- себи. Он был командирован в Лурстан с поручением до- говориться с вождями непо- корных лурских племен. Здесь он подвергся нападению по- встанцев и умер по дороге в Тегеран. В лице Абдулла- хана Персия потеряла одного из образованнейших людей и честных патриотов, которые вместе с Риза-шахом строят новую независимую нацио- нальную Персию.

Пожар классово борьбы еще не разгорелся, а американские капиталисты уже облеклись в пожарные каски. Впрочем; не все, а лишь кандидат на

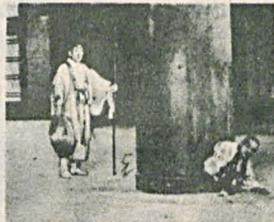
пост президента С.-А. С. Ш.— Смит. Для пущей оригиналь- ности он не только облекся в пожарную каску, но и про- возносит речь, звоня в пожар- ный колокол.

Игольное ушко, через которое верблюд пролезает в рай, в не- сколько расширенном виде су- ществует близ города Кыото, в Японии. Там около храма

На Северный полюс. Авиатор Нобиле собирается вылететь на- днях на Северный полюс. Нобиле вылетает из Рима на итальянском дирижабле «Италия».

стоит колонна, у подножья которой находится отверстие. Согласно японскому поверью, желающий добыть себе бес-

приятственный пропуск в рай, должен только пролезть через это отверстие. После этого он сможет успокоиться: все формальности соблюдены, вечное благополучие обеспе- чено.

Леди без навалеров. В январе на флагманском судне одного из отрядов английской сред- земной эскадры, на «Королев- ском Дубе» происходила тан- цы. Все было бы хорошо, если бы на судне не находился английский адмирал Коллард. У адмирала тяжелый характер, чтобы не сказать больше.

Встав в этот день с левой ноги, он разругал командира за то, что офицеры мало тан- цовали с дамами, затем непе- чатными словами обложил ка- пельмейстера и прогнал его с судна. Получился конфуз. Обиделся не только офицеры, но и команда. Но адмирал не успокоился: он не отвечал на приветствия команды, «выр- жался» по адресу офицеров и в конце концов перенес свой флаг на другой корабль. Ко- мандный состав «Королевского Дуба» подал жалобу. Это не

первое дело адмирала. В мо- лодости он уже был под судом за то, что скомандовал коче- гарам: «На колени передо мной!» и чуть не довел ко- манду судна до восстания.

И все же суд осудил офице- ров за нарушение дисциплины, самодур же вышел из суда оправданным.

После урока, полученного личным составом флота, джа- банд будет играть без пере- боев, господа офицеры ока- жутся безукоризненными кавалерами фокстротирующих дам, а на нижней палубе бу- дут прислушиваться к велью «господ».

В Библиотеке «Огонек» вы- ходит книжка Эфима Зозуля— «По Европе». В книжку собраны

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

ПО ЕВРОПЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК»
М. В. В. В.
АДРЕС: ВЛ. 6-80, ОБОЗОВСКОГО
МОСКВА-1000

путевые очерки, посвященные описанию современной Герма- нии и Франции.

Леонид Гроссман давно уже и вполне заслуженно поль- зуется репутацией одного из лучших литературных иссле- дователей и историков. Его ра- боты отличаются исключитель- ной добросовестностью, тон- костью, чуткостью и изяще- ством стиля. Талантливому

перу Леонида Гроссмана при- надлежит целый ряд интерес- нейших работ о русских и иностранных писателях. В Би- блиотеке «Огонек» выходит книжка Л. П. Гроссмана, по- священная Достоевскому— «Кажь Достоевскому».

— Дум!

Целыми неделями я слышу этот голос, этот звук, проникающий сквозь массивные стены тюрьмы в самые отдаленные ее уголки. Тот вечер, когда мы услышали его впервые, был полон тревожного неастья, ветер обхлестывал стены тюрьмы, хлопьями разрывался о переплет решеток и безудержно заливали дождем заплаканные окна.

Сначала я не мог понять, откуда идет этот стон, кому принадлежит этот голос, человеку или животному. Иногда мне казалось, что это просто один из многочисленных и таинственных звуков гулкой тюремной тишины.

Но в течение всей ночи тюрьма упорно оглашалась одним и тем же настойчивым возгласом. Он падал в тишину ночного покоя, как редкие капли дождя на звонкую крышу.

Каждая камера откликнулась на таинственный голос.

Ночь взбудоражилась стуками, раскатами голосов, свистками. Из камеры в камеру, из коридора в коридор несутся отклики на тревожный призыв.

— Дум!

— Эй, чего тебе надо?

— Дум!

— Да, да, мы здесь, не ори!

— Дум!

— Заткни глотку, паренек.

— Дум!

— Алло, алло!

Тюремная шпана пользуется неожиданным нарушением обычного порядка для переклички друг с другом.

Население тюрьмы — фальшивомопетчики, взятчики, торговцы кокаином, шулера — обмениваются впечатлениями, перестукиваясь дробными стуками тюремной азбуки. Высказываются самые нелепые предположения, самые неожиданные мнения.

Шмыгающие тени шпиков, тюремных „ужей“, „овечек“ — скользят по коридорам, подслушивая, вынюхивая, собирая материал к завтрашнему докладу начальству.

— Даже бапкиры (их четверо — сидят недалеко от моей камеры), обычно не испытывающие потребности в общении, так как деньги дали им возможность устроиться в тюрьме довольно недурно, в эту почу робко обмениваются впечатлениями.

Что же касается нас — политических, — то мы пытаемся установить, откуда исходит этот голос, думая, что это, может быть, один из наших взывает о помощи. Но наши усилия напрасны. Гулкое эхо стен

Партия каторжан, отправляемая из французской тюрьмы в Новую Каледонию на каторгу.

сбивает с толку, путает направление звуков.

Дум! Дум!

Призыв неумолимо продолжал раздаваться с равномерностью часового маятника.

Мы окрестили его „типом, который лает“. В конце концов мы привыкли к нему. Бывали дни, когда голос раздавался реже, и тогда мы начинали беспокоиться. Мы говорили о нем с нежностью, мы жалели его, так как нам удалось узнать, что это больной, которому место скорее в лечебнице, чем в тюрьме.

Один из нас рассказал нам о том, что его школьный учитель страдал такой же

болезнью. Время от времени он издавал звук, похожий на лай собаки. Помимо этого он был совершенно здоров.

Дум!

Человек этот стал нам также необходим, как бой башенных часов, отмечающий уходившие в прошлое мгновения.

Вскоре тюремный врач рассказал мне историю этого человека.

— Это слесарь. Его преступление — результат страсти, страсти к игре на бегах. Вы же знаете, как распространено это увлечение среди парижан. Люди лишают себя самого необходимого для того, чтобы иметь возможность поставить в воскресенье на тотализатор 20—30 франков. Это настоящий бич для рабочих. На многих заводах самая распространенная литература — это „Бега“ и „Спорт Парижа“.

„Слесарь играл на бегах. Его подруга требовала подарка. Она сказала, что уйдет от него, если он будет продолжать проигрывать. Но он выиграл. Придя домой, с карманами, набитыми деньгами, он застал ее с другим. Она не испугалась и стала передразнивать его нервный тик, его вечное „дум, дум“. Тогда он перезал ей горло. Затем он побежал к ближайшему полицейскому:

— „Дум, дум... Я... дум! Я...“

„Волнение душило его, он не мог выговорить ни одного слова.

Полицейский послал его к чорту.

Он отправился в участок. С трудом удалось ему заставить арестовать себя“.

Здесь в тюрьме он продолжал играть. Начальство ломало себе голову и не понимало, каким образом ему это удается. Он проигрывал все свое убогое имущество арестанта: деньги, табак, газету. У него всегда был беговой листок. Он стал букмекером тюрьмы, заражая своей страстью других арестантов.

В день открытия бегового сезона его „дум, дум“ стало чаще, чем обычно.

Я не мог заснуть до глубокой ночи. Было холодно, луна бороздила стену переплетом оконной решетки.

Перед тем, как заснуть, я услышал глухой звук, похожий на отдаленный выстрел. Я не удивился. Обычно жандармы развлекаются тем, что пробуют свои револьверы в тюремном дворе.

На другое утро меня вызвали к начальнику тюрьмы. Я должен был договориться с ним относительно свиданий. Я спустился по лестнице. В воздухе запах плохо проветриваемых камер и затхлой тюремной похлебки. Вся тюрьма насыщена запахом грязного тела и дуриной нищи...

В нижнем этаже двое арестантов моют пол камеры... Одетые в широкие рваные куртки, эти люди, бледные и небритые, скребут пол щетками, напоминаящих их собственные подбородки. На стенах коричневые пятна, местами отливающие красным заревом. Надзиратель говорит:

— Это № 647, еще один, это тридцатый за этот год. Это был славный парень, только больной, ему бы надо было сидеть в сумасшедшем доме. Вы знаете, это тот, который все время кричал „дум, дум“. Он разбил сегодня ночью электрическую лампочку и осколком стекла перерезал себе вену на шее. Он увлекался бегами. Он истекал кровью, как бутылка, и все время булькал „дум, дум, дум“, пока не помер.

Перевела с французского Е. Кальмеер.

ТРИ КАМЕНЩИКА

В Варшаве состоялись похороны трех рабочих-каменщиков, погибших под развалинами нового дома, который строило городское самоуправление так умело, что дом развалился еще до окончания постройки. Похороны, устроенные союзом строителей, вылились в мощную рабочую демонстрацию, в которой приняли участие профсоюзы, представители рабочих организаций и коммунистическая фракция сейма, во главе с председателем союза строителей — депутатом Сынудой (нижний портрет). На кладбище с речами выступили депутаты сейма — коммунисты гг. Сынуда и Биттнер. Когда участники похорон стали расходиться, полиция и охранники, при поддержке песевосских дружинников, стали избивать демонстрантов. Несколько десятков дружинников бросились на депутата Биттнера и стали избивать его палками, кастетами и ручками револьверов. Раненого Биттнера рабочие увели к ближайшему фельдшеру. Через некоторое время к фельдшеру ворвалась полиция, и удостоверившись, что там находится Биттнер, ушла. Вслед затем ворвались дружинники, которые вновь стали избивать Биттнера. Биттнер был отвезен домой в карете скорой помощи. Врачи констатировали 7 ран на голове Биттнера. Биттнер сейчас находится в лечебнице (левый снимок). В числе пострадавших находится также депутат Гаврон, раненный сабельным ударом в руку (верхний портрет).

По соглашению редакции
"Огонька" с автором,
печатается с рукописи.

БОСТОН

Современный исторический роман ЭТОНА СИНКЛЕРА.

Продолжение *

Глава III. Красный „даго“ **

Этон Синклер в 1920 г.

Снег, подхватываемый ветром, кружился в воздухе, толстым слоем покрывая землю; тротуары, очищенные от него, превращались в траншеи. Стражники и полисмены расхаживали взад и вперед перед воротами канатной фабрики, выпуская клубы пара изо рта; рабочие, сгрудившись на другой стороне улицы, топали ногами и плясали на месте, согревая дыханием озябшие руки или засовывая их подмышки. В такую пору хорошо сидеть в теплой квартире, а тут все были на улице.

В кожаных креслах бостонского клуба сидели благополучные престарелые джентльмены, платившие стражникам по пяти долларов в день и предоставившие в их распоряжение целый отель, где их бесплатно кормили, чтобы они отгоняли стачечников от ворот фабрики, а стачечники, стоя у ворот большими беспокойными толпами, питали надежду, что они добьются прибавки одного доллара в неделю: они знали, что стоит им уйти со своих постов, как сразу найдутся предатели, которые проникнут на фабрику и займут их место. Обе группы — стражники и рабочие, — стоя одна против другой, постоянно вступали в словесную перепалку.

— Эй, проходи там! Чего стоишь?

— А в чем дело? Что я не имею права остановиться на улице?

Две тысячи рабочих, мужчин и женщин, бросившая на десяток языков и не имевшая руководителей. У кого были врожденные способности вождя, тому представлялась теперь возможность показать их; неорганизованная масса начала выделять таких вождей из своей среды.

Прежде всего решено было составить воззвание о помощи стачечникам и разослать его ряду лиц, перечисленных в особом списке, чтобы образовать стачечный фонд. Большинство рабочих едва сводило концы с концами, и скоро их средства должны были иссякнуть. Те, у кого были хоть какие-нибудь сбережения, вносили свою лепту в фонд, и, кроме того, ожидалась помощь со стороны различных рабочих союзов. В первый же день сто стачечники внесли в фонд по пяти долларов; эти деньги должны были пойти на наем помещения для рабочего комитета, на оплату телефона, телеграмм, труда машинистки и почтовые расходы.

На другой день состоялась демонстрация; тысяча восьмьсот человек рабочих прошли по всей главной улице Плимута, мимо канатной фабрики, невзирая на стражников и „крючков“. Три дня спустя демонстрация повторилась, в ней приняло участие в два раза большее число лиц; женщины и дети несли длинные песты, на которых болтались морские ракушки и были прибиты плакаты: „Нам надоело питаться этим всю жизнь!“ Это очень позабавило газетных репортеров, и демонстрация была посвящена целые статьи.

Явились организаторы: от американской федерации труда — консервативного союза, который, однако, решил помочь стачечникам в их борьбе за уменьшение рабочего дня и увеличение заработной платы; от

союза „индустриальных рабочих мира“, который призвал рабочих взять канатную фабрику в свои руки. Стачечники слушали ораторов и не знали, на чью сторону стать; еще больше их приводили в замешательство анархисты, которые кричали, что обе эти организации — ловушка для рабочих, придуманная хитрыми профсоюзными чиновниками, которые хотят хорошо жить, не работая. Пусть рабочие сами руководят стачкой, а те, кто сочувствует им, пусть собирают деньги в стачечный фонд и кормят голодных детей.

Так думал и говорил Бартоломео Ванцетти. В этот критический момент он забыл о своей робости и сделался настоящим боевым оратором, как и многие из рабочих, которые становились вождями, сами того не замечая. Один вступал в спор с другим, многие подходили и слушали, и вскоре образовывалась большая толпа. Устраивались летучие митинги, произносились речи, избирались комитеты. Когда „крючки“ разгоняли эти митинги и прорывали линию пикетчиков, рабочие останавливались на ближайшем углу и громко выражали свое негодование; когда же их гнали и оттуда, они останавливались на другом углу и т. д. Желающих послушать оратора всегда было очень много: таким образом рабочие пополнили свое образование и укрепили свою солидарность. За один день досуга они могли научиться большему, чем за целый месяц работы на фабрике. В такие критические моменты жизни сбрасывает с себя маску и представляется вашему взору во всей своей наготе.

* * *

Огромная богатейшая компания, владевшая величайшей канатной фабрикой в мире, доходы которой теперь, на втором году войны, были больше, чем когда-либо за время ее существования, послала своих официальных представителей в правительственное „бюро труда“. Им вменялось в обязанность доказать, что заработная плата в девять долларов в неделю для мужчины и в шесть долларов для женщины вполне достаточна. В среднем это получалось двадцать пять долларов в неделю на семью, потому что все члены семьи — отец, мать и взрослые дети — работали на фабрике.

— И это на пользу им, — доказывали представители компании, — так как спасает их от лени разврата. — Рабочие опровергали такие утверждения и в виде доказательства выставили одного рабочего, Джона Корсини, имевшего девять душ детей, из которых старшему было всего четырнадцать лет. Корсини получал девять долларов в неделю. Переводчик пояснил его слова:

— Он говорит, что часто им приходится есть то, чего не стали бы есть ввиньи. Он по уши в долгу. Задолживает около пяти долларов еженедельно. Дети могут выходить на улицу только благодаря тому, что добрые люди снабжают их разными продуктами.

Было выяснено, что за последние девятнадцать лет компания повышала заработную плату только три раза, — каждый раз на пять процентов, а между тем только за последние десять лет жизнь вздорожала на пятьдесят процентов. Это заставило компанию, „исходя из побуждений великодушия“, рискнуть на увеличение заработной платы

еще на пять процентов, при чем было заявлено, что „больше увеличения поведет к банкротству“. Юристы, находившиеся на службе компании, получавшие огромные оклады, красноречиво доказывали это, и их доводы были опубликованы в газетах; агенты компании с льстивыми речами проникали в рабочую среду, обещая разные привилегии вождям, которые изъявлял покорность. Была пущена в ход самая совершенная и дорогая стоящая тайная агентура, имевшая в своем распоряжении десятки шпионов прибегавших к соблазну и подкупу и севших среди стачечников раздор, сомнение и страх. Компания вывела немедленно на работу на предложенных ею условиях, то будут введены штрейкбрехеры, и чтобы сделать эту угрозу более реальной, администрацией были вызваны „хедрехеры“ (головорезы) — кожные стражники, разгонявшие малейшее собрание.

Автобусы то и дело подвозили из Бостона и других пунктов полисменов, которые стояли в три ряда перед воротами фабрики и при надобности могли растянуться в линию на три четверти мили вдоль железной ограды. Достаточно было собраться в одном месте двум — трем рабочим, как к ним уже подбегал полисмен.

— Эй, расходись, — живо!

Если рабочий начинал доказывать, что каждый гражданин имеет право стоять на улице, полисмен, не вступая с ним в пререкания, просто тыкал его своей дубинкой в живот или в спину, и тот спешил унести свои ноги. Но если он не подчинялся приказанию, дубинка полисмена тяжело опускалась ему на голову, его задерживали и отправляли в арестный дом, где на другой день судили за „буйное поведение“. Газеты в таких случаях писали, что толпа „выходит из-под контроля властей“, а компания обращалась к губернатору с требованием прислать „регулярные войска“.

Но стачечники не сдавались. Они отвергли прибавку в пять процентов. Администрация начинала беспокоиться, видя, что агенты других канатных фабрик в Плимуте смаивают к себе квалифицированных рабочих. Что-то необходимо было предпринимать.

На фабрику „протащили“ около двухсот „скебов“ через отверстие в изгороди со стороны моря и были приняты все меры, чтобы пустить в ход хоть одно отделение. Борьба стала напряженнее; линия пикетчиков подвинулась ближе, и „просвещение“ Корнелии Торнуэлл пошло быстрым темпом.

Линия пикета была совершенно неподходящим местом для старухи, как утверждали ее друзья-итальянцы, — но она поступила на фабрику с целью постигнуть все на собственном опыте, и потому, несмотря на их увещания, каждый день приходила к воротам фабрики. Когда она в первый раз увидела, как полисмен спих с ног рабочего, панеся ему удар дубинкой, она вся вспыхнула от негодования.

— Ах, вы зверь! Как вы смеете?

* См. „Огонек“ с № 10 по № 16 за 1928 г.

** „Даго“ в Соед. Штатах называют итальянцев, испанцев, португальцев, живущих в Америке. „Даго ред“ („Красный даго“) — особый сорт вина.

П р и м. п е р е в о д.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО. Крупный промышленник Джозиа Квинси Торнуэлл, сидя однажды вечером в своем кабинете со своим зятем Рупертом Эльвингом, мечтает о расширении своих предприятий. Его жена Корнелия, любящая им и не любящая его, слегка пошмеивается над их планами. Но мужчины не обращают на нее внимания и продолжают обсуждать свои дела. Ночью Джозиа Торнуэлл умирает от разрыва сердца. В доме поднимается суматоха: звонит телефон, приезжают знакомые, доктор, родственники. После похорон между детьми начинаются споры о наследстве. Корнелия, их мать, решает бежать из дому, чтобы не быть свидетельницей семейных ссор. Она тайком уезжает в Бостон, а оттуда в Плимут, где поступает на канатную фабрику. Она снимает комнату в доме рабочего, итальянца Брини, и здесь знакомится с Бартоломео Ванцетти. На фабрике вскоре вспыхивает стачка,

И даже когда полисмен повернулся и устремился в ее сторону, она все еще не могла осознать, что она уже не леди, которая может отдавать приказания полисмену. И только когда он кинул в живот стоявшую впереди нее женщину и та полетела в сугроб—только тогда Корнелия поняла всю опасность и бросилась бежать. Да, она, вдова экс-губернатора штата, прожившая в богатом особняке сорок лет, имевшая в своем распоряжении многочисленных слуг и уважаемая всеми,—она бежала! И, надо сказать, бежала со всех ног, потому что «зверь» услышал ее слова и решил во что бы то ни стало добраться до нее. Она спаслась от дубинки только потому, что Брини и его товарищи быстро окружили ее и приняли на себя удары. Они, между прочим, отняли у полисмана дубинку и убежали с ней, чтобы она могла сохранить ее «на память».

По это служило малым утешением для Корнелии. Такой позорный факт вызвал слезы у нее на глазах, она до конца жизни не забудет его; и это может служить иллюстрацией того факта, что представители буржуазного класса, принимающие участие в рабочем движении, иногда становятся революционнее самих рабочих.

Впоследствии, когда Корнелия могла уделить этому внимание, она изучила историю полицейской власти Бостона. Католики-ирландцы одержали победу на выборах и захватили власть в городе, на что коренное население Новой Англии ответило тем, что провело закон в штате, на основании которого губернатор—англо-сакс—становился главой полицейской власти. В штате вошло в практику предоставлять полицейские силы в распоряжение соседних городов, при чем при канцелярии губернатора был образован «штрейкбрехерский отдел», к услугам которого должны были обращаться все фабриканты и промышленники. Полицейская конная стража находилась в ведении той же власти; эта стража работала в полном контакте с частными «бюро сыщиков», взаимно обмениваясь информацией. Таким образом был создан сложный, хорошо налаженный аппарат, имевший своей целью сокрушение рабочего движения. Все это делалось тайно, так, что широкая публика об этом не была осведомлена, а пресса умалчивала.

Корнелия Торнуэлл, наблюдая за этой системой, как она проводилась на практике, была крайне поражена и возмущена. Неужели богатые люди, люди ее класса, так слепы? Неужели они не видят последствий, к которым может привести такое пренебрежение к закону? Какой смысл говорить о демократии, если вы в моменты кризиса отрицаете все права гражданские и даже человеческие? Вы заставляете рабочих жить в скотских условиях, вы избиваете их, как собак, и потом удивляетесь, когда они, отбиваясь, впираются вам зубами в икры!

Прежде чем закончилась эта стачка, продолжавшаяся целый месяц, Корнелия пришла к заключению, что она никогда не будет осуждать рабочих, на какие бы действия они ни пошли.

Случай с Ванцетти был для нее живым примером. Этот мечтатель-идеалист создан был так, что он больше страдал от чуждого горя, чем от своего собственного. Когда, приведя домой с трудом передвигавшего поги какого-нибудь раненого шкетчика, он обмывал ему окровавленную голову, его руки дрожали, а по щекам катились слезы.

И вот как-то вечером он явился домой с револьвером в руках! Он, проповедник братства, человек с такой нежной душой, теперь готов был стрелять в полисменов! Несомненно, его револьвер был не очень высокого качества—пятизарядный, устаревшего типа, порядком заржавевший, и по тому, как Ванцетти обращался с ним, Кор-

нелия видела, что он вряд ли даже умеет стрелять. Когда она начала угваривать его не прибегать к оружию, миссис Брини рассмеялась и сказала, что на этот счет можно не беспокоиться—Барт никогда ничего не убьет.

— Но если он не думает пользоваться револьвером, то зачем его таскать с собой?—сказала Корнелия.—Ведь если он будет пойман с оружием, его посадят в тюрьму.

На это Ванцетти ответил: — Если меня посадят в тюрьму за рабочее дело, то одним этим я уже помогу нашему делу.

Такое понятие Корнелия казалось туманным, неясным. Каким образом рабочее дело может выиграть от того, что какой-то землекоп-итальянец будет посажен в тюрьму?

Пастоящая же причина того, что Ванцетти вооружился револьвером, находилась в тесной связи с приездом Галлеани. Анархисты решили, что на ложные доводы реформистов надо дать достойный ответ, и для этого вызвали своего «великого вождя и учителя».

Он приехал в сопровождении «телохранителей»—десяток двух молодых рабочих-итальянцев. Многим из них не было еще и двадцати лет, но все они были очень серьезные и мрачные на вид. Ходили слухи, что полиция собирается разогнать митинг и арестовать оратора; и эти молодые люди явились с тем, чтобы помешать такому произволу. Все они были вооружены револьверами; иные имели даже по два, и по кинжалу в придачу. Среди них был еврейский юноша на рабочих кварталах Нью-Йорка, работавший в качестве репортера одной бостонской газеты, впоследствии ставший известным под именем Майкела Гольда. Небольшая группа молодых революционеров решила вступить в схватку с полицией, но не допустить ареста своего вождя. К счастью, никакой схватки не произошло; иначе Америка лишилась бы пролетарского писателя—очень большая радость для нее—и приобрела бы еще одного мученика-революционера, которых она и так имела в достаточном количестве.

Корнелия отправилась на митинг вместе со своими друзьями—итальянцами. Она не понимала, что говорил оратор, но с наслаждением слушала его мощный, вибрирующий голос и разделяла восторги зрителей; ее друзья расскажут ей потом, о чем он говорил.

Луиджи Галлеани советовал рабочим вооружиться нравственным оружием, противопоставив жестокостям полиции свою железную волю и солидарность. Он говорил им, что они являются единственными творцами всех земных благ, и что недалеко уже то время, когда они станут и обладателями этих благ. Он советовал им остерегаться самозванных «вождей», которые садятся на спину рабочим под предлогом, что они управляют ими. Он призвал их освободиться от суеверий и почитания богов, духовенства, судей и полицейских властей, ибо они сами—боги, сами себе судьи, сами должны устанавливать для себя законы; закон—это то, что оправдывает их совесть и понятие о братстве и справедливости.

Когда Корнелия была еще девушкой, ей пришлось однажды присутствовать на лекции некоего м-ра Эмерсона¹; который говорил о некоем странном отшельнике Новой Англии, м-ре Торо², авторе книги «О долге гражданского неповиновения». И для нее не было ничего необычного в этих возвышенных идеях; единственным недостатком их заключался в том, что чем возвышеннее они были, тем труднее было привести их

¹ Ральф Эмерсон—американский философ и поэт (1803—82).

² Генри Торо—американский писатель-анархист (1817—1862).

в жизнь. В этой стачке все вожди, как один, кричали о солидарности, но не могли установить ее между собою, и потому их последователи постепенно отпадали, а их энергия тратилась напрасну.

Правительственное «бюро труда» предлагало рабочим согласиться на десятипроцентную прибавку. Один говорили, что надо принять это предложение, другие не соглашались с этим, третьи заявляли, что это просто ловушка, так как компания не предлагала от своего имени такой прибавки, а всегда раньше должно следовать предложение, а потом уже принятие его! На митингах происходили большие споры. Ванцетти взбирался на стол и кричал: «Предатели! Предатели!» Его противники заглушали его слова криками и стаскивали его на землю. Домой он приходил усталый и мрачный, и однажды заявил, что делегат португальцев предал дело стачечников, что все страдания рабочих были напрасны.

Стачка длилась целый месяц, средства рабочих иссякли, некоторые из них уже тайком пробрались на фабрику работать, другими овладело разочарование. Полиция разогнала митинги и закрыла помещение, где собирались рабочие. Что им оставалось делать? Италияцы иногда собирались конспиративно и обсуждали вопрос—принять предложение «бюро труда» или не принимать? Все, за исключением нескольких крайних, стояли за то, что надо сдаться, при чем всем было ясно, что эти крайние все равно не будут приняты обратно на фабрику.

Вернувшись однажды вечером после мучительного дня стояния в шкетках, Корнелия легла в постель и брызнула заснула. Она знала, что стачка закончилась. На следующее утро она опять встала без четверти шесть, надела пальто, теплый платок и побрела на фабрику, спотыкаясь в темноте. Администрация была очень вежлива: «Доброе утро! Очень рады вас видеть!»—точно рабочие пришли в гости. Перемена была весьма разительна, рабочие показали, что они обладают известной силой, и данный ими урок не скоро будет забыт. Правительственное арбитражное бюро принялось за работу, и после двух месяцев «напряжения труда» была найдена «формула», дававшая возможность администрации, сохранив свой престиж, сделать прибавку, которую она раньше считала невозможной.

С этого дня Корнелия стала получать больше за свой труд—и это было так приятно!—поэтому она высчитала, что потребуется почти полгода, чтобы отвоёванная прибавка пополнила то, что было потеряно за время стачки!

Для Ванцетти уже не было места на казенной фабрике; его агитация стоила компании двести тысяч долларов в год, которые должны были пойти на повышение заработной платы. Сыщики следовали за ним повсюду, и когда он попытался пройти на фабрику, его задержали в воротах. Но он скоро нашел себе работу; резать лед на пруду—хорошее занятие на свежем воздухе. Придя вечером домой, он сказал Корнелии с легкой улыбкой:

— Я взрываю лед динамитными бомбами, а на другую ночь он опять замерзает!

Он работал десять часов в день: резал длинной пилой лед, грузил огромные глыбы его в телегу и затем отвозил по назначению. Домой он возвращался страшно усталым, но у него всегда находилось рассказать что-нибудь интересное. Он купил себе резиновые сапоги с высокими голенищами, они были очень дороги, и он гордился ими. Но спустя всего три дня он явился домой без этого драгоценного приобретения. За ужином он сказал:

— Надо достать себе другую пару.

ВЕСНА В МОСКВЕ

Общий вид Свердловской площади в Москве.

Снимок А. Шайхета.

Опять весна. Опять... Прости, читатель,
На этот раз я не решаюсь лгать.
И как всегда, скитаясь на Арбате,
Не захою про степи и луга.

Бывало всяк. Но в этот день весенний
Пою лишь то, чем радостно дышу.
Какая бутолока впечатлений
И чехарда слепищая, и шум!

Под этот шум, рассеянно толкаясь,
Бреду, как пьяный, что-то бормоча.
И вдруг печально заулыбаюсь
Певиятному журчанию ручья.

Девичье Поле—не родное поле.
Но и-отсюда, если показать—
Какое непривычное раздолье
Откроется затравленным глазам!

Вдали сияют Воробьевы горы.
Нескучный сад. Внизу—Москва-река.
Над городом и над притихшим бором
В весеннем небе тают облака.

А дальше вглубь, где чащей труб и вышек
Смечился робко отступивший лес,
Встает в дыму и кроет темной-крышей
Полгорода чудовищный Могэс.

Бреду—и брежу первой синевую,
А солнце плещет полымем в лицо.
И вдруг—вверх, над самой головою—
Такой знакомый крик скворцов!

И только миг,—и вот уже растаял,
И далеко за крышами домов
В весеннем зное потонула стая
Моих бродяг, вернувшихся домой.

Но этот крик упал, как искра в порох.
И память выдохнула—и пронесла
Перед глазами прожитую пору,
Забитый март далекого села.

И в это промелькнувшее мгновенье
Я вспомнил, пережив их вновь,
И первую печальную любовь,
И первое мое стихотворенье...

Ах, этот день,—кого он не обманет!
Такое солнце и такая ширь.
И уплывает в солнце и в тумане
Седой Ново-Девичий монастырь.

Антон Прищепин.

АРЕСТАНТКА

Очерк прошлых дней А. Аросева.

Наша партия этапа с утренним поездом прибыла на Вятский вокзал. Конвойные сосчитали нас, выводя на платформу. У вокзала ждали три разбитых пыльных рыдвана, куда рассаживались слабые и женщины, т. к. до города и тюрьмы было верст шесть.

Я попал в рыдван вместе с одной девятнадцатилетней арестанткой. Она была в коричневом платье, в грязных желтых башмаках, помятой дешевой жакетке и в черном легком платке. Лицо ее было смуглое, и черные глаза застенчиво улыбались. Как будто ей было стыдно. Она все поправляла черные густые локоны, выбивавшиеся из-под платка. Чтобы побороть стыдливость и неловкость, она спросила меня, кто я, куда сылаюсь и т. д. Голос у нее был приятный, хотя и размягченный, слабый и немного ленивый. Она говорила очень тихо и растягивала слова.

— А вон там, на тропинке... Видите? Идет старуха и с ней молодая дамочка... Вон там, налево, около кустов... Видите?

Я оглянулся, куда она указывала, и увидел высокую тонкую старушку, всю

в черном с дорбжной сумочкой в руках. Под руку с ней шла молодая женщина.

— Так вот... Это бывшая гимназистка. На два класса впереди меня шла. Корянская. Отец ее гастрономический магазин здесь в Вятке имеет. Она знает всю мою историю... Да при ней это все и произошло... Ах, если бы крикнуть ей... Ну, да не узнает, или не захочет... Я ведь вот уже полгода в Орлове в уездной тюрьме просидела.

— А теперь?—спросил я.
— Теперь иду к отцу в Вятку, под надзор полиции.

Помолчала. Искоса раза два внимательно посмотрела на меня. Потом тихо и лениво, растягивая слова, произнесла:

— А вы знаете, за что я судилась?

— Скажите.

Опять помолчала. Локоп черный заправила под платок. Взяла со дна рыдвана сухую соломинку.

— За своего ребенка.

И тонкими пальцами сломала соломинку, которую держала в руке. Я заметил, что на всех пальцах ее ногти были

перекусаны. Не рассказывать дальше ей было уже нельзя.

— Была я тогда в пятом классе гимназии. Ну, известное дело... влюбилась...

Оборвала рассказ. Посмотрела на меня пристально и внимательно: как я к этому отнесусь и верю ли я. Удостоверилась и продолжала:

— Тут ни он, ни я не виноваты. С осени это началось. А зимой в гимназии уже заметили. Родителей пригласили к начальнице и велели взять из гимназии... Я много плакала от страха и стыда. Из гимназии все-таки взяли.

Опять поправила локоп на виске.

— Весной поехала жить в Орлов. Мать и отец посоветовали, чтобы сраму не было. В Орлове меня взяла к себе Корянская. Во-он она. Видите: из гору поднимается. У нее в Орлове свой дом. А почему я к ней пошла,—потому что она одна из всех подруг ни одним взглядом, не то что словом—не спрашивала меня об этом. Там у нее вскоре и родила. Тяжко до чего было—тяжелее смерти! Мучилась долго. Но все-таки ребенок хороший был.

И совсем тихо добавила:
— Девочка родилась, такая маленькая, маленькая.

Она даже показала размер дочери своими тоненькими смуглыми руками. Потом смотрела на меня минуты три и все лицо ее сияло детской простой улыбкой. А глаза ее стали тяжелыми, будто что-то в них живое было задавлено. Может быть, детский плач. И этими тяжелыми глазами она проверила еще раз, верю или нет.

— Не помню хорошенько как это вышло, — продолжала она, — был вечер. Были гости у Корянских. Все молодежь, гимназисты, реалисты. Корянская считалась красавицей, поэтому за ней ухаживали. Играли в почту. Танцевали. Выпивали. Был тут, еще один офицер, который особенно ухаживал за Корянской. Во время кадрили, когда я была недалеко от Корянской, шедшей в паре с этим офицером, я заметила, что последний указал ей глазами на меня, а та утвердительно мотнула головой. Видимо, он спросил про меня: та ли эта самая, которая... А она ответила: да та, именно та. Меня охватило волнение. Сердце слегка заколотило в груди. Я покраснела. Я все поглядывала в ту сторону, где стоял офицер с Корянковой, и мне все казалось что они говорили только про меня. Наверное, это так и было, — ведь велики городишка-то Орлов? И про что там говорить...

Поздно вечером сели ужинать. Офицер оказался случайно, а, может быть, и не случайно рядом со мною. Когда он смотрел на меня, то глаза его будто говорили: ты ведь теперь такая, с тобой все можно. А между тем он меня угощал, а я пила. И чем больше пила, тем все лицо, стол, стены, лампа, — словом, все-все мне казалось все более и более красным. Когда офицер, просунув руку за мою спину, обнял меня, сдавив правый бок, то рука моя сама собой и вовсе не от оскорбления — я далеко, далеко была от этого, — а просто из озорства спокойно развернулась и ударила офицера по лицу.

Она засмеялась сладким смехом и почему-то передернула плечами.

— Все набросились на меня. Даже Корянская. А на отдаленном конце стола гимназисты, сгрудившись в кучу, смеялись задвленными отрывистыми смехами, как овцы блеют. Вся в слезах бросилась в кухню, где лежала моя дочка. Прямо упала на нее. И целовала, и целовала, и руками горлышко ее сжимала. Зачем? Ничего не знаю. Лицо ее целую, а шейку сжимаю. И слезы. И все вместе как один поток. Будто вся кухня и я и ребенок куда-то низверглись и полетели, и в руках моих было уже мертвое тело. Не помню, как меня оттащили. А рано, рано утром полицейские что-то спрашивали меня и записывали. Как следует пришла в себя, только когда очутилась в одиночной камере Орловской тюрьмы. И то, наверное, оттого, что там я наконец почувствовала себя совершенно одной. Счастлива была тем, что меня охраняют от всех глаз и посетителей.

Помолчала. Еще раз поправила выбивавшиеся локоны на висках. Потом вдруг сразу повеселевшим голосом спросила:

— А как вы думаете, надо родить или нет?

На ее лице опять засияла детская улыбка.

— Любить — я знаю, что можно, а родить? Не дождавись ответа, продолжала:

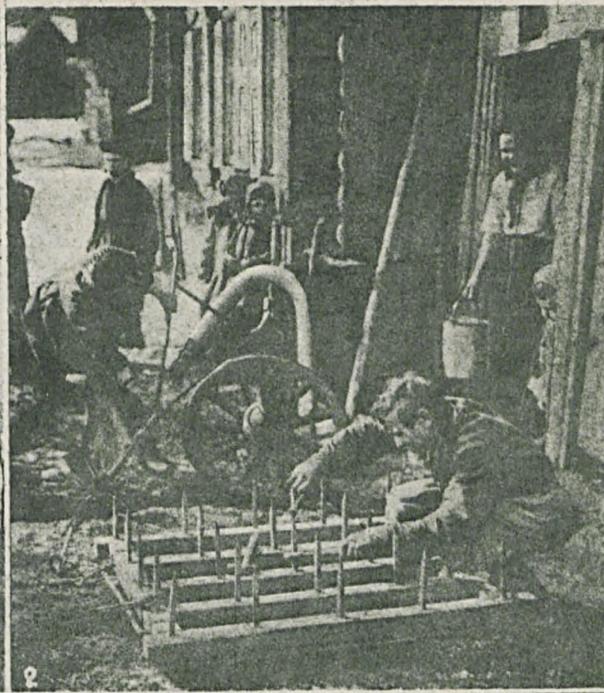
— Я все-таки вас очень, очень благодарю за то, что вы мне верите. Вот только скажите, любить можно, а род...

Она не успела договорить, над ее ухом раздалась команда: „Выходи, стройся... Забирай барахло“.

Построились мы. И, гремя цепями, двинулись в растворившиеся железные ворота тюрьмы.

И спутница моя затерялась в арестантской толпе.

А. Аросев.

1. Радиолобитель на селе устанавливает радио-мачту. 2. Крестьянин ладит борону. 3. Сельскохозяйственные машины отгравляются в деревню. 4. Удобрение поля навозом. Фот. А. Шайхета.

„Я ЖИВУ НЕДАЛЕКО..“

Очерк Ник. Полюдина. Снимки А. Шайхета.

Пассаж на большой улице шумит до вечера. Там под стеклянным колпаком движется множество женщин. И останавливаясь, взглянув в толпу, вы увидите среди них медленно бредущих от витрины к витрине, из пролета в пролет, очень медленно двигающихся, будто ждущих чего-то, будто пришедших сюда поглядеть, развлечься, встретить знакомых, таких же, как все, женщины в котиковом манто, в каракулевом саке, в беличьей шубке, в пальто коверкот, шевюит, бостон.

У каждого свое счастье. У курсиетки — медички, шмыгающей снегами в анатомический театр — свое, у дикарки с перьями на голове и кольцом в носу — свое. Некий офицер-эмигрант, забравшись в недра владений какого-то дикого племени подарил царице десять пустых банок из-под мясных консервов, и потому в честь его были устроены самые пышные празднества. У царицы было высокое счастье овладеть блестящими жестянками, любоваться ими, взывая от радости.

И если все жизненные устремления женщины в каракулевом саке, или в котиковом манто, или не в саке и не в манто, а в пальто коверкот, шевюит, все ее помыслы, порывы устремляются к чулкам со стрелкой, к душераздирающей красной сумочке, к духам „Убиган“ и так далее — все по той же линии, только выше, дороже, недоступней, — то ведь самым высоким счастьем царицы дикарей представляется выеденная жестянка. Суть одна.

Их лица разрисованы ничуть не больше, чем все другие женские лица, которые разрисовываются. Их тонко овевают французские духи. У них делуют руку знакомые, о них заботятся мужья, их любят родные. Они воспитывают детей, читают

романы, ходят к знакомым танцовать фокстрот. Они — „люди своего круга“, какого-то крыла, каких-то прослоек тронутой разложением интеллигенции.

Весь смысл жизни для них в дорогом наряде. Им нужно иметь всегда модные боты и модную шляпу, хорошие духи, настоящий заграничный кармин, заграничные чулки, модную шаль, модные туфли, красную сумку, складную серебряную пудреницу фирмы Коти, им нужно посещать институт красоты, блеклые ресницы превращать в жгуче-черные, массировать лицо, делать маникюр, завиваться у парикмахера... им нужно, нужно, нужно...

Они — матери, жены, сестры, и больше того: они — женщины, получившие права и обязанности в общественности, в строительстве, они — гражданки нашей страны.

Но муж получает „только“ 300 рублей, но отец кормит семью, и красавице-дочери может с тоской купить две шляпки в год, с усилием — фетровые боты, с горем — коверкотовое пальто. А красавица-дочь хочет котик, темный, как ночь тропиков, французский котик, зеленое шелковое платье.

Она прочитала сто переводных романов, до безумия влюблена в Моника Лербе, и вообще она давно „полевела“ в своих взглядах на „половой вопрос“, как давно „полевели“ все знакомые ей женщины, встречающиеся на фокстротах, на всяческих „кюках“, вечеринках и просто попойках, где кружится, плачет и хохочет быт наполеоновского крыла служилых людей, быт людей, остановившихся в промежутке старого, отмирающего, и нового, нарождающегося.

И на каком-нибудь „кюке“, на каком-нибудь „чарльстоне“, или чорт знает на чем, когда дочь хозяев играет что-то мод-

ное, вдруг заговорит о какой-то всем здесь знакомой женщине — жене всем знакомого мужа, матери пятилетнего ребенка. И „господи!“ в модном костюме „маренго“, с манерами „воспитанного“ человека, заметит небрежно и громко, так, чтобы слышали все — и хозяйка, и молодая дочь, и девочка-подросток, обезумевшая от „томных“ танцев:

— Она? Эта... Она стоит только пятнадцать рублей.

Вы думаете, „почтенная мать семейства“, хозяйка дома глянет строго на гостя? Вы думаете, дочь ее покраснеет и девочка-подросток отвернется? Нет. Просто рассмеются все. Просто кто-то ответит деловито:

— Дешево все-таки она ценит себя!

„Господин“ в костюме „маренго“ уже давно внес большую долю своего труда в дело воспитания женщин, ему известных. Он давно доказал своей жене и всем знакомым ее, и этой девочке-подростку, и сестре своей, и многим другим, что головокружительное излечение женщины, ее внешняя красота, ее „тон“, ее губы, ее платье, ее маникюр, ее чулки, — это — поэзия, выше которой уже нет ничего, это — ритм жизни.

Он ездил когда-то за границу и помнит гризеток, продавщицу цветов Рима, милых видных кельнерш Берлина, остроумных девушек парижских магазинов; он знает, что сотрудницы берлинских банков, контор, трестов, отправляясь на службу, прячут в сумочки вещи, предохраняющие от беременности и сифилиса... И ему все это очень понравилось. Об этой позорной и страшной эксплуатации девушек-тружениц в буржуазных странах он расскажет, как о пределе эмансипации женщины. Он — убожески тупой, откровенно — грязный — проститутку возводит в культ „новых“

отношений людей, освобожденных от „пред-
рассудков“.

В антракте концерта в Колонном зале
я слушал разговор двух женщин. Они си-
дели в партере на дорогих местах и гру-
стили вслух о том, как невыносимо теперь
жить, как все дорого.

Одна из них—молодая женщина, с неж-
ным, красивым лицом—после длинных жалоб
проглотила шоколадную конфетку с ромом
и совсем обычно сказала:

— Попево... пойдешь...

Другая расхохоталась.

Пойти продавать на улицу, очевидно,
для этой парядной женщины не страшно,
не низко.

И женщины типа „куколок“, женщины,
которые доводит до скамьи подсудимых
своих близких, женщины, превратившиеся
в общественный мусор, на своих „вечерах“
в своем „обществе“ торгуют собой, выходят
в пассаж, в кафе.

Они медленно бредут от витрины к ви-
трине, они идут из пролета в пролет с ли-
цами благопристойными, строгими, гордыми.
И вдруг кто-то из них, проходя мимо вас,
шепчет тихо, ласково:

— Я живу недалеко.

Никто этого не заметит. Она будет вы-
нимать зеркальце из светлой сумочки, она
невзначай пройдет рядом с вами:

— Тридцать рублей.

Тридцать рублей — две коробки нудры
Коти, тридцать рублей—три пары настоя-
щих заграничных чулок, тридцать рублей—
фетровые боты, тридцать рублей—модная
шляпа... Сейчас же можно купить.

Кто она? Мать?... Мать—и вечером будет
целовать своего ребенка. Кто она—друг,
жена, любимая дочь? Нет, только не нужна
выгнала ее на улицу. Ее руки выхололены,
заграничная косметика, положенная на
ее лицо, стоит двух обедов вузовки,
одежды ее стоят дороже, чем все взятое до-
машнее обзаведение средней рабочей семьи.

Как-то на улице меня остановил знако-
мый писатель. Он возбужденно почти кри-
чал мне:

— Что это такое? Что это за женщины?
Ко мне сейчас подошла женщина в кот-
иковой шубе и прошптала:

— Я живу недалеко.

Он не понял сразу, что означало такое
обращение. Женщина решила, что он ино-
странец, и тогда на французском языке,
очень изящно и тонко, дала понять о себе.

Я рассказал как мог, что это такой вид
проституции, что женщины, которым многое
„нужно“, от „моды“ до „моды“, от „нужды“
до новой „нужды“, между прочим, продают
себя.

— Но это же самый страшный вид про-
ституции!—ужаснулся мой собеседник.

Да. Это—самый страшный вид прости-
туции. Как наркотом отравляет и разлагает
он все окружающее, ибо эти женщины уже
обзавелись своей „идеологией“, которая
не только оправдывает, но приветствует
продажу тела, как нечто естественное,
и даже необходимое „в наш практиче-
ский век“.

Да, это—самый страшный вид прости-
туции.

Ник. Погодин.

Гипнотизер.

Бор. Ефимов-28

Городишко был маленький и грязный. И номера в нем были такие же. Литература, продавать которую приехал Лукашук, никак не расходилась.

Сумрачно он направился к себе в номера, тщетно придумывая выход из создавшегося положения.

Впереди него шли четыре работника, отягощенные портфелями, и слегка дискусировали на местные темы.

— Демехин-то сегодня не вышел?— сказал один из работников.

— Не вышел,— ответил второй,— зашил. И Балахопов не вышел. И в седьмой лавке— Усачев. Они всегда вместе записываются.

— Беда от этих запоев!— сказал опять первый работник.— Говорят вот, в Москве уже додумались лечить алкоголизм гипнозом. Вот бы нам хоть какого гипнотизера.

Лукашук, два раза глотнув воздух, схватился за лоб и стремительно кинулся в номера.

Подушенный предпоследним полтинником коридорный вывесил на выходной двери объявление о том, что приехавший в город гипнотизер остановился в 4-м номере, где с гарантией лечит от алкоголизма за умеренную плату—один рубль.

Успех объявления был самый пышный. Через двадцать минут в номер постучала чья-то почтительная рука.

Лукашук уже закончил свои приготовления (чистое полотенце, одолженное у того же коридорного, ключ для открывания консервов, исполняющий обязанность зловещего медицинского инструмента, и книга счетов, отныне—книга пациентов) и предложил посетителю войти.

В комнату двинулся бурый ботинком памятникных размеров и на высоте сажени от него мохнатая шапка с наушниками. Сейчас же под шапкой помещались могущественные усы,

...Вы уже больше не пейте, что ли...

в которых погбили две спички и огрызок лбока.

Лукашук подсел к книге счетов и солидно спросил:

— Фамилия? Давно пьете?

— С семи лет. Прунин.

Лукашук пошуршал карандашом, качнул головой и подошел к присевшим в углу усам. Перед самыми усами он стал махать рукой, затем лихо свистнул, зацокал и в заключение пробил левой ногой три такта четочки.

— Не смей больше пить! Я кому говорю!

Влинные уже в самую стену усы робко প্রশালাли:

— Извиняюсь, не буду...

...Не смей больше пить! Я кому говорю?!

— То-то,— сказал Лукашук и, отойдя, вздохнул.— Гоните рубль, и поздравляю вас: вы вылечены.

Усы радостно зашевелились, теряя спички и огрызок, стали отсчитывать медь.

Ободренный успехом, Лукашук, как заправский врач, сполоснул руки, приоткрыл дверь в коридор и крикнул:

— Следующий, пожалуйста! Деньги — вперед.

В коридоре была уже небольшая, но все же очередь. Лукашук принялся лечить полным ходом. Он записывал пациентов в книгу счетов, принимал рубли и потом уже гипнотизировал почем зря.

— Пьешь?— кричал он на пациентов.— Лакаешь? Водку сосеешь? А вот я тебя, сукиного сына!

Перед самым пациентским посом Лукашук шипел, свистел, гудел, брыкался, прыгал, гертелся на одной ноге.

Кого-то пнул ногой, кому-то щекотал живот, кого-то дергал за волосы. А одному пациенту не из пугливых отпустил две звонких пощечины и обещался:

— Ну, если ты у меня еще раз налижешься! Измерявлю!

Кучка меди, серебра и кредиток в рассыпанном ящике стола все увеличивалась. Пациенты уползали из комнаты, напуган-

ные и потрясенные магнетической силой гипнотизера. Все шло отлично.

Однако Лукашук стал уставать. И потому, когда вошел восемнадцатый пациент, Лукашук внезапно утерял свою энергию. Он едва только смог покачать головой:

...Ну, если ты у меня еще раз налижешься! Измерявлю!..

— Ай, лй, лй! Нехорошо как! Вы уже больше не пейте, что ли...

Восемнадцатый пациент качнулся и, извлеки из внутреннего кармана бутылку, попросил:

— Может, по одной еще—можно?

— Ну, разве что по одной,— сказал обессиленный Лукашук, решив, что рюмка водки может подкрепить его силы для дальнейшего приема.

Пациент суетливо сполоснул стакан, стоявший тут же, налил до половины и подал Лукашuku.

В голове у Лукашука слегка зашумело и не хотелось расставаться с таким симпатичным восемнадцатым пациентом ради дождавшихся в коридоре других. Желая отсрочить этот неприятный для него момент, Лукашук предложил:

— А не повторить ли нам?

Повторили. Собственно, два раза повторили. А потом оказалось, что третий раз повторить нечем.

— Натя вам обратно ваш рубль, который за лечение,— подумав, сказал Лукашук,— и сбегайте-ка вы за сороковочкой. А заодно и колбаски возьмите, огурчиков... В кои веки встретишь приятного человека...

Очередь глухо волновалась, когда восемнадцатый пациент два раза рассек ее, проходя за водкой и обратно. Но Лукашук уже было наплевать.

— Чего стоите? Не видите, прием откладывается на завтра.

Очередь быстро рассосалась. А гипнотизер еще быстрее насосался. Так, по крайней мере, объяснил его поведение коридорный, когда постовой милиционер явился на звон стекла, разбиваемых гипнотизером и „симпатичным“ восемнадцатым пациентом.

...Проснулся Лукашук в арестантской камере милиции. Гипнотизерская деятельность совершенно выветрилась из его памяти.

В. Ардов.

1. Что такое «Великий почин»?
2. Какому государству принадлежит остров Цейлон?
3. Назовите трех президентов в СССР.
4. Когда лидеры II Интернационала выступали при огромной аудитории в Колонном зале Дома Союзов в Москве?
5. На какое учреждение в России была возложена обязанность «утирать слезы вдовицам и сиротам»?
6. На чем сидит председатель английской палаты лордов?
7. Строитель какой известной тюрьмы был ее узником?
8. Какая птица глотает камни?
9. В каком русском литературном произведении подробно описывается путешествие вокруг света?
10. Какой величайший мыслитель не оставил после себя ни одного произведения?
11. Какие цветы считаются национальными в Японии?
12. Где крысы являются полезными?
13. Какой роман из русской жизни написан Жюль Верном?
14. Может ли змея с вырванным жалом причинить вред?
15. Какой мужчина подставляет свою ногу для поцелуя?
16. Кто такие «курские зубры», и почему они не водятся в СССР?
17. В какой комедии главное действующее лицо ни разу не появляется на сцене?
18. Рукописи какого знаменитого человека приходится читать в зеркало?
19. Какое животное поражает своего противника электрическим током?
20. Как, по презанию, наградил Иван Грозный строителя церкви «Василия Блаженного» в Москве?
21. Какие насекомые останавливали поезда?
22. В каком случае слово «отказать» имеет положительное значение?
23. Отчего шатаются пьяные?
24. На каком корабле Колумб отправился в свое путешествие, когда он открыл Америку?
25. Какие мужчины в торжественных случаях надевают часть женского туалета?
26. Сколько знаков в китайской пишущей машинке?
27. Что будет там, где находилась Запорожская Сечь?
28. Какой мыслитель занимал самую маленькую квартиру?
29. Когда началась разработка проекта постройки Волго-Донского канала?
30. Чем известна Бизерта?
31. Зачем по краям монеты делают нарезки или надписи?
32. Когда и где убийство кошки каралось смертной казнью?
33. Что такое аллигатор?
34. Чем дышат насекомые?
35. Какие два царя находятся в данное время в Московском Кремле?
36. В воде каких морей и океанов растворено золото?
37. Назовите гигантский пароход, который погиб в свой первый рейс?
38. Где живет порода бесхвостых кошек?
39. Какой кино-актер никогда не смеется на экране?
40. Когда полиция громогласно одобрила террористический акт, совершенный революционерами?
41. Почему в глубинах Черного моря нет рыбы?
42. Как называется денежная единица в Литве?
43. Почему комиссии обыкновенно составляют из нечетного числа лиц?
44. Какой нарыв носят в виде украшения?
45. Зачем в трамваях сбоку около двери, на расстоянии менее одного метра от полу, делается черта?
46. На какой стороне сидит в автомобиле шофер?
47. Что такое авиаматка?
48. Какой русский император никогда не был наследником престола?
49. Чем защищается каракатица?
50. Имя какой балерины сейчас наиболее популярно в СССР?

— А я знаю, где живут бесхвостые кошки! (артист Вл. Хенкин за „Викторинкой“).

ОТВЕТЫ К ПЯТНАДЦАТОЙ СЕРИИ „ВИКТОРИНЫ“

1. Сан-Марино.
2. Линейный корабль, т.е. военное судно, предназначено для боя в строю (в линии).
3. Между Петербургом и Москвой в 1852 году.
4. Лукасинский, просидевший 37 лет.
5. В прежние времена во время грязи через дорогу клали доски; получался мост, отсюда — мостовая.
6. Охотничий леопард.
7. 1-й Московский Государственный, основан в 1755 г.
8. Цифра есть письменный знак для обозначения чисел. Цифр десять, чисел бесконечно много.
9. Н. С. Мартынов.
10. Крымский напиток.
11. Перерепенко и Довгочухи.
12. С запада на восток.
13. Бобра.
14. А. С. Пушкин.
15. Черногория в 1915 г. сдавалась Австрии и Германии.
16. Академик И. П. Павлов.
17. Лесные: зажигают вал из нарубленного молодняка; когда два пожара столкнутся, пламя, за отсутствием притока воздуха, гаснет.
18. Птицы — зубочистки.
19. Он прикреплен передним концом, и благодаря этому лягушка может выбрасывать его изо рта.
20. Из Южной Азии (отнюдь не из Сибири).
21. Во Франции.
22. Да. В Уссурийском крае.
23. Цезарь Клод.
24. На Принцевы острова.
25. Ироническое прозвище С. Ю. Витте за неудачное заключение мира с Японией (была отдана половина о. Сахалина).
26. Завод по добычанию жидкого воздуха. Находится на Кичкасе (Днепрострой).
27. Рабочие на золотых приисках, работающие не по найму, а на свой риск.
28. Когда они стоят.
29. Графиня Екатерина Дашкова, с 1783 г. до 1793 г.
30. Save our Souls — сигнал о спасении, отправляемый в случае катастрофы на море.
31. Скорпион.
32. Нью-Йорк на градус южнее Рима.
33. Искусственное орошение полей.
34. Известный чешский композитор.
35. Норвежский парламент.
36. Английский врач Дженнер.
37. По имени английского преступника Хулигана.
38. Пластинками остро отточенной пемзы.
39. Марк Твен.
40. Так называется залив Сиваш.
41. Потому что они имеют очень мало потовых желез.
42. В 1924 г.
43. Контрабандный провоз оружия из Италии в Венгрию в 1927 г.
44. Иван Александрович.
45. Иошкар-Ола.
46. А. С. Пушкина.
47. Да, напр., некоторые акулы.
48. У лисиц.
49. Римским-Корсаковым и Глазуновым.
50. Морские львы были выучены вылавливать мины. После блестящих опытов в Севастополе они были отравлены германскими шпионами.

На Москва-реке команды подрывников взрывают лед от моста Окружной ж. д. до Вабьгородской плотины. Взрывы представляют собой интересное зрелище. Во льду пробивается воронка, в которую спускается кило взрывчатого вещества, и зажигают шнур. Через несколько минут на высоту 15 саженей влетают глыбы льда и снега.
Фот. А. Шайхета.

В Москве состоялся торжественный выпуск 40 инженеров, окончивших Академию Военно-Воздушного флота. От имени Реввоенсовета выпускников приветствовал зампредседателя РВСР И. С. Уншлихт.
Фот. А. Шайхета.

11 апреля в Большом Кремлевском дворце открылась 8-я сессия ЦИК СССР IV созыва. На нашем снимке—А. С. Енукидзе предлагает от имени фракции ВКП(б) включить в порядок дня вопрос об основных началах землепользования и землеустройства в СССР.
Фот. С. Фридлянда.

ГОРОД ПОЖАРОВ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

По поводу землетрясения в Смирне.

Смирна только что оправилась от военных потрясений. Сожженная и разрушенная, оставленная греками и армянами, составлявшими значительную часть ее коренного населения, а потому опустевшая, она еще недавно была обреченным городом. Многочисленные иностранцы — англичане, итальянцы и французы, — наживавшие в Смирне огромные богатства, покинули город и вывезли свои капиталы.

Банки закрылись. Набережная и таможенные пакгаузы опустели. Смирна умирала, но не умерла. Здоровая экономика западной части Малой Азии (сельское хозяйство) быстро вернула город к жизни.

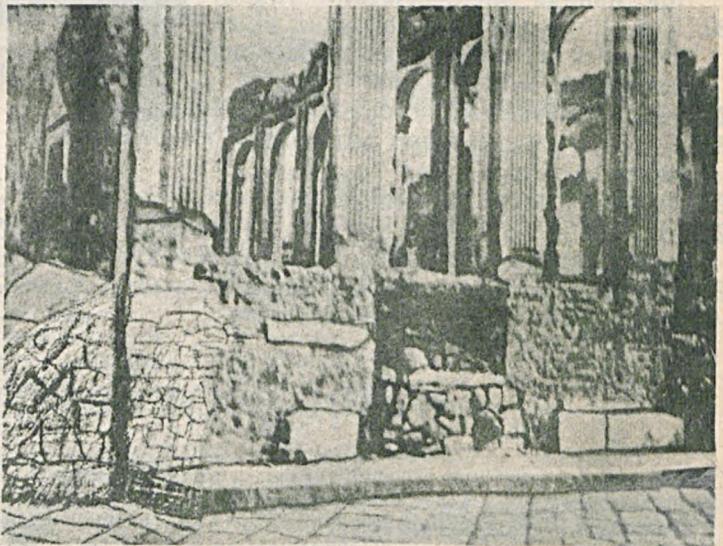
Лишь только отгремели военные громы и новая Турция приступила к мирному строительству, как вернулись иностранцы, открылись банки, заполнились дорогими товарами таможенные склады, выросли горы тюков и мешков на набережной, и все стало таким, каким было до войны, до разрушения, до изгнания греков и армян и до бегства иностранцев.

Впрочем, это сходство между новым и старым только внешнее. Между ними имеется огромное различие, которое наблюдается по всей Турции, но которое здесь, в Смирне, заметно сильнее, чем где бы то ни было.

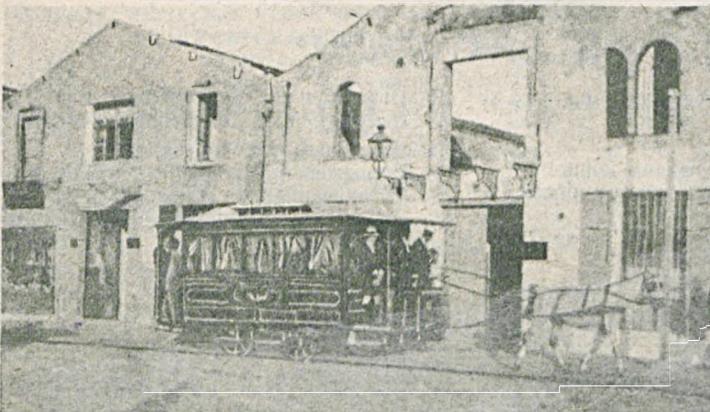
Прежде Смирна была типичным „Левантом“ — смещением языков, обычаяв, национальных тяготений и влияний; нынешняя же

быстро овладела коммерческой жизнью района. На месте многочисленных греческих и армянских фирм появились фирмы турецкие, с турецкой администрацией во главе и с турецкими оборотными капиталами.

Новое турецкое правительство, — правительство Кемаль-паша, — отлично понимает роль и значение Смирны, Смирнского вилайета и Смирнского порта, расположенного в глубине прекрасно защищенного залива. Стремясь подчеркнуть это значение, а так-

Уголок старой Смирны.

Часть Смирны, разрушенная и сожженная во время войны с греками. На переднем плане — конка.

Смирна — город чисто турецкий. Именно здесь, на базе здоровой с.-х. экономики, появилось первое национальное турецкое купечество, народилась национальная торговая буржуазия, которая

же стремясь нагляднее показать, каких пределов восстановления своей хозяйственной жизни достигла страна, и наконец, с целью выявления ее дальнейших возможностей, — правительство Турции осенью прошлого года организовало в Смирне сельскохозяйственную выставку. Выставка эта вызвала огромный интерес и привлекла к себе внимание не только турецких кругов, но, что важнее для молодой Турции, внимание и интерес иностранцев. Чем больше надежд подает Смирна; тем большее огорчение вызывают сведения о происходящем в Смирне и Смирнском вилайете землетрясении. Размеры причиненных землетрясением убытков пока неизвестны. Будем надеяться, что они невелики и не смогут помешать процессу восстановления народного хозяйства Турции.
А. Смирнов.

Редактор ИИХ. НОЛЬЦОВ. Издатель — АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“. Напрямые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника — воспрещается. РЕДАКЦИЯ — Москва 6, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12. ГЛАВНАЯ КОНТОРА — Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 3-12-56 и 4-67-16. Отд. Распростр. — 5-61-63. Московская Контора и Городская экспедиция — 1-28-19 и 1-28-20. Рекламный отд. — 3-31-48. Бюро иногородних объявлений — 4-64-40. Адрес для телеграмм — Москва Огонек. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09. ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 стр. — 2.400 р., строка новопарели — 4 р., сверх тарифа — 10% налога. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1928-й г.: „ОГОНЕК“ без приложений — 8 мес. (с 1-го мая) — 3 р. 20 к., 6 мес. — 2 р. 40 к., 3 мес. — 1 р. 20 к. и 1 мес. — 40 к. „ОГОНЕК“ с прил. Библиотеки „Огонек“: 8 мес. — 9 р. 25 к., 6 мес. — 7 р., 3 мес. — 3 р. 75 к. и 1 мес. — 1 р. 40 к. ЗА ГРАНИЦУ — „ОГОНЕК“ без приложений: 8 мес. — 2 д. 40 ц., 6 мес. — 1 д. 75 ц., 3 мес. — 90 ц. и 1 мес. — 30 ц. „ОГОНЕК“ с приложениям Библиотеки „Огонек“: 8 мес. — 7 д. 20 ц., 6 мес. — 4 д. 60 ц., 3 мес. — 2 д. 40 ц. и 1 мес. — 90 ц. Отдельный номер „Огонка“ — 8 ц.

РОМАНЫ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

БЕНУА, П.—Прожженный король. 288 стр. Ц. 1 р. 50 к.
 БРИДЖС, В.—Человек ниоткуда. 252 стр. Ц. 1 р. 60 к.
 ГИРШГОРН, В.—Бесцеремонный роман. 204 стр. Ц. 1 р. 75 к.
 НАДУ, РЕНЕ.—Атлантида под водой. 312 стр. Ц. 2 р.
 ЛОРРЕТА, Э.—Слава до-Рамира. 280 стр. Ц. 1 р. 50 к.
 МАИ-ОРЛАН, П.—Желтый смех. 168 стр. Ц. 1 р. 25 к.
 ТЕО ЭЛИ.—Долина новой жизни. 382 стр. Ц. 2 р.
 Все книги высыл. в перепл., худ. обл., вал. плат. Пересылка по действ. стоим. Выславшим деньги при заказе перес. бесплатно. Требуется каталог **БЕСПЛАТНО**.
 С требован. обрац.: **МОСКВА—Центр, Кривоколен. пер., 14/3 Изд-ву „КРУГ“.**

ОХОТНИКАМ И РЫБОЛОВАМ

ПОЛНОЕ РУКОВОДСТВО К ПЕРВОЙ ОХОТЕ в 3-х част., 537 стр., сост. Губин, Д. (редкая книга). Ц. 12 р. 50 к.

СПУТНИК ТРУДОВОГО ОХОТНИКА 313 стр., под ред. Соловьева, сост. Рахманин. Ц. 1 р. 50 к.

РЫБЫ РОССИИ УЖЕНЫЕ РЫБЫ Жизнь. Ловля. С прилож. рыболов. календаря, 1066 стр., 500 рис., сост. Сабанеев. Ц. 5 р.

СПУТНИК РЫБОЛОВА-УДИЛЬЩИКА спорт, ловля, с 63 рис., 27 г., сост. Рождественский. Ц. 1 р. 85 к.

ГОЛУБЕВОДСТВО (ВСЕХ ПОРОД) 212 стр., 117 рис., сост. Юргенсон. Ц. 3 р. а также **ЛЮБУЮ КНИГУ** Высылает наложен. платеж. Книжный магазин „Наука и Жизнь“ **МОСКВА 19, Воздвиженка, 4/0.**

Терья Карандаши
фирмы Гаммер
Хороши

АМЕРИКАНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ КОНЦЕССИЯ
Я. ГАММЕР МОСКВА СОФИЙКА Б.

ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК

Настоящая книга для всякого работника торг.-пром. учрежд., для всякого делового человека. В ней он найдет ответы на все деловые вопросы: 1) Как составить коммерч. письмо, расписку, квитанцию, акт, заявление, телеграмму, телефонограмму (69 образцов). 2) Как составлять деловые бумаги, доверенности, договоры (аренды, купли-продажи, расрочки, запорожки, поставки, подряда, комиссии, займа, поручительства, залога, заклада, товарищества, акци общества и т. п.), биржевые сделки, векселя (сведения и образцы). 3) Подсобные сведения: а) о всех видах кооперации (сел.-хоз., потреб., жилищн., промысл., трудовая), как организовать, регистрировать, какие льготы и проч.; б) о фонд. и тов. биржах, о нотариате, о кредитной системе СССР (какие банки, их функции, сборы); в) о государств. займах (доходность, время и размер выигрышей, тиражи и пр.); г) о налогах (промышленный подоходный, на сверхприбыль, с обрм. ценностей); д) о гербовом сборе, почте и телеграфе; е) о транспорте и проч. 4) Таблицы для исчисления процентов. 5) Нормативный словарь. Цена книги „Деловой человек“ в переплете (192 стр.)—2 р. 50 к. Высыл. по получ. 2 р. 50 к. или наложен. платежом на 2 р. 80 к. Адрес: Ленинград, 14. Пр. Володарского, 58.
Книжному делу „ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ“.

ЛУЧШИЙ КУРС БУХГАЛТЕРИИ И КОММЕРЧЕСКИХ ВЫЧИСЛЕНИЙ в четырех книгах

для самостоятельного изучения на дому без помощи учителя. Курс составлен известными московскими профессорами и занимает первое место среди других пособий. Все 4 книги вышли из печати и высылается в переплете налож. плат. за 6 р. 30 к. Желающим можно выслать сначала 2 книги за 3 р. 30 к.
АДРЕС: МОСКВА, ул. Герцена, 22/3, КНИЖНОЕ ДЕЛО „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

КАЖДЫЙ прислав свою фото-карточку может получить в короткий срок **ХУДОЖЕСТВ. УВЕЛИЧ. ПОРТРЕТ** в паспарту с перемычкой 18×24—6 р., 24×30—8 р., 30×40—12 р., 40×50—14 р., 50×60—22 р.
 Москва, ул. Володарского, 14, или почт. ящ. 503, Фот. Н. Пролову. Зак. выс. нал. плат. с гарант. за раб. и сохран. карт.

ВСЕ для РАДИО

Аппаратура и детали в большом выборе. Заказы срочно выполняются при получении задатка в 25%. Прейс-куррант высылается при получении 16 коп. почт. марки. Цены умеренные.
Ленинград, Цр. 25 Октября 64/к. Магазин „Все для радио“.

МАЛУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРОДВИЖЕНИЮ с предислов. А. Лозовского, в роскош. перепл., свыше 200 иллюстр., цена 6 р. 75 к., в картонном футляре, а также и **любую книгу** по всем отраслям знания высылает наложен. платежом в 3-х днях. срок Отд. Почт. Отпр. **КН. МАГАЗИНА ВЦИСН.** Москва, Кузнецкий мост, 20.

Для глухих „РЕЗОНАТОР“ (тугоухих). „РЕЗОНАТОР“ 50% усиливает слух и действует без батарей.
 Цена на одно ухо 17 р. 50 к., на оба уха 35 р.
Оптик-В. Бурхард. Ленинград, Пр. механ. 25 Окт., д. 15.
 Описание высыл. за 8 коп. марку.

КУРЯЩИМ! ГИГИЕНИЧЕСК. АНТИНИКОТИН МУНДШТУК „АНТИНИКОТИН“

обезвреживающий куренье до минимума, поглощая вредный яд-никотин—до 92,3% по способу проф. Гейнц-Гернак, что подтверждается анализами госуд. лаборат. Препарат „Антиникотин“ изготавливается под наблюдением провизора Я. М. Дрейзина. Цена курит. приб. из мундшт. пол-литров. рога с принадлежн. и запасом антиникотин. препарат.—2 р. 75 к.
ТРУБНИ „АНТИНИКОТИН“—4 р. 50 к.

Пересылка по почтовому тарифу. Высылается по получении половины стоимости (можно почт. марками).
 Адрес: Москва 706, Б. Якиманка 52, пр.-ву „АНТИНИКОТИН“.
В МОСКВЕ продажа производится: 1) в табачн. отд. ГУМ; 2) в магазине Ленинградского Госуд. Табачного Греста—Кузнецкий Мост, 5; 3) в универсаме ОГПУ—Кузнецкий Мост, 19, и таб. киосках.

КРЫСИНЫЙ И МЫШИНЫЙ МОР вызывает повальн. мор грызунов, покидающ. помещен. Абсолютно безвреден для человека, домашних животных и птиц. Научно обосновано. Разреш. Ленингр. Губздравом. Изготовл. в лабор. под наблюд. д-ра медиц. А. Е. Феоктистова. Цена банки 100 гр.—95 к., 200 гр.—1 р. 60 к., 500 гр.—2 р. 60 к., 2 кило—6 р. 10 к., 4 кило—8 р. Высылает налож. платеж. **ЛАБОРАТОРИЯ М. П. ФЕОКТИСТОВОЙ.** Ст. Тайцы, Балтийск. ж. д. (близ Ленинграда). В 1912 г. удостоен. золотой медали.

ВЕЧЕРА ИГР И РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Фокусы танцы, игры. Сборник с рис. и нотами, 309 стр. Зеленок. Козлов и др. ц. 1 р. 80 к.

РАЗВЛЕЧЕНИЕ НА ДОСУГЕ Гимнастика ума. 763 шарды, ребусы, головоломки, загадки и множество др. материала для любителей, зострады и домашн. вечеринок. А. Миртеле, 196 стр., 186 рис., ц. 2 р. 25 к.

Фокусы и развлечения. Я. Перельмана. I. Чудо нашего века. II. Между делом. III. Числа-великаны. 184 стр. с множ. рис., в папке, ц. 1 р. 40 к. **МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ИГРЫ** и развлечения, проф. Арнс. Пер. с немецк. Я. Перельмана, 147 стр., 74 рис., ц. 70 к. **ТОЛЧОН МОЗГАМ.** Сборн. загадок и шард. Гранич и Вабурина, ц. 80 к. **ПЕСЕННИКИ**, 3 выш., ц. 67 коп.

Высыл. нал. плат. без задатка Книжный магазин „ТРУД“.
 Москва центр, Моховая, 15/21.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГ

Материал по 1-е апреля. Лисицын, Сейбук, Снегирев. 5-е издание—Ц. 3 р. 50 к.

ПРОМЫСЛОВЫЙ НАЛОГ

Материал по 1-е апреля 4-е издание. Плавкин, Овчинников. Ц. 3 р. 50 к.

ГЕРБОВЫЙ СБОР

Георгиевский, Герман и др. Ц. 2 р. 25 к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ: ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСФИНОТДЕЛА, МОСКВА, Наглинная ул., д. 7, Павсам ЖУРИН.

РАЗБОРНЫЕ МОДЕЛИ

- 1) Двигатель 3-х фазного тока. Цена с пер. . . . 2 р. 80 к.
- 2) Паровая машина дв. расшир. Цена с пер. . . . 2 р. 80 к.
- 3) Двигатель внутр. сгор. (Дизель). Цена с пер. 3 р. 80 к.
- 4) Паровая турбина. Цена с пер. . . . 3 р. 80 к.

Модели воспроизводят в 7 красках полную конструкцию машины, сопровождаются общедоступным описанием и дают возможность разобрать и осматрив. все части машины. Размер модели 24×34 см. Выс. налож. плат. Заказы направл.: Ленинград, Театральная пл., 2/32. Инж. Я. Ф. Альтшулеру.

Свед. **ВОЛОС** (выпадение, облыс.) **УГРЕЙ,** пятен и др. космет. недостатков кожи. **Д-р М. НАТЦЕН,** Тверская, д. 62, кв. 3.

ОХОТНИКИ, РАБОТНИКИ УГРОЗЫСКИ И МИЛИЦИИ, НАЧАЛЬНИКИ ОХРАНЫ ПРОМЫШЛЕНН. ПРЕДПРИЯТИЙ, ЛЮБИТЕЛИ ДРЕССИРОВКИ ДОЛЖНЫ КУПИТЬ НОВУЮ КНИГУ В. ЯЗЫКОВ КУРС ТЕОРИИ ДРЕССИРОВКИ СОБАК

с 34 иллюстрац., схемами и чертежами
 Стр. 280. Ц. в перепл. 2 р. 25 к.

Научно-объективный метод дрессировки собак и вопросы психологии собаки, выдвинутые в СССР впервые автором настоящей книги, преподавателем Центральных Госпитемников, делают ее исключительно интересной и оригинальной в деле обучения и применения собак службе, охотничьих и сторожевых. **ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА.**
 По почте эту книгу высылает немедленно по получении задатка и денег **МОСКВА, Центр, ГОСИЗДАТ „КНИГА—ПОЧТОЙ“.**

НОВИНКА ДОМАШНИЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИК САМОУЧКА

Устройство домашнего освещения, звонков, сигнализации и телефонов, изготовление гальванических элементов, аккумуляторов, трансформаторов и выпрямителей. Радиоприемные установки: детекторные, ламповые с антенной и без антенны. **ЭЛЕКТРООБОРУДОВАНИЕ КЛУБОВ, СЦЕН, ИЗБ-ЧИТАЛЕН,** установка проекционных фонарей, киноаппаратов и пр. 138 рис. и пояснит. чертеж. Ц. 2 р. 75 к. с перес. Книжн. склад „НИГОВЕД“.
 Москва, 19, ул. Герцена, 22/25.

Всероссийское Общество „АВТОДОР“.

ЗА РУЛЕМ

Ежемесячный общественно-литературный и научно-популярный иллюстрированный журнал

Журнал посвящен вопросам автомобилизации СССР, дорожному строительству, мотоциклетному, велосипедному и водомоторному спорту, уходу за трактором, автомобильному туризму, новостям заграничной автомобильной и дорожной техники и пр.

№ 1 ВЫШЕЛ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ.
 ПОДПИСКА: с 1-го апреля до конца года—2 р. 50 к., 6 мес.—1 р. 70 к., 3 мес.—85 к. Цена отд. №—30 к.
 Редакция и Контора: Москва Б. Страстной бульвар, 11.
 Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“.

С ЭТИМ № „ОГОНЬКА“ по 2-му и 3-му АБОНЕМЕНТАМ рассылаются книги Библиотеки „ОГОНЕК“:

- 1) Леонид Гроссман — Жизнь Достоевского; 2) Ефим Зозуля — По Европе.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ „ОГОНЬКА“ Следующий № 18-й „ОГОНЬКА“ — последний номер, который будет рассылаться подписчикам, не приславшим третьего взноса. При отсутствии третьего взноса подписка с № 19-го „ОГОНЬКА“ и 9-я книга ооч Толстого — АННИЛИРУЕТСЯ, при чем подписка на сеч. Толстого возобновляться не будет. Подписка на журнал „Огонек“ с приложен. Библиотеки „Огонек“ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

НА ПЕРЕВОДАХ СЛЕДУЕТ ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЗЫВАТЬ „ДОПЛАТА“, точный адрес и повторять ранее высланные сумки и выписываемые издания. ТРЕТИЙ ВЗНОС ДЛАЕТСЯ ПО МЕСТУ УПЛАТЫ ВТОРОГО ВЗНОСА.

2 рубля вместо 5 р. 30 к.
БИБЛИОТЕЧКА № 7
РАДИОЛЮБИТЕЛЯ **13** **КНИГ**

Что нужно знать радиолюбителю. Стр. 34. Файвух—Радиотехника, ее достижения и практические применения. С 25 рис. Стр. 70. А. Милд — Натодные лампы и их применение в радиотехнике. Элементарный курс. С 82 рис. Стр. 70. Ганс Дерстрюф—Что каждый должен знать о радио. С 14 рис. Стр. 124. Радиотелевизионная, управленческие механизмы на расстоянии. С 22 рис. Стр. 44. Дитше, инж.—Комнатные антенны и рамки. Стр. 56. Нуренберг — Волномер, его устройство и применение. Стр. 82. Никифоров—Как организовать учебную обществу „Радио в деревне“. Стр. 26. Еланик—Нечастные случаи при издании радиоустановками. Стр. 64. Цемак—Любительские передаточные радиостанции. Стр. 82. Халепский—Роль и значение радиотехники в Красной армии и радиолюбительство. Стр. 18. Асеев.—Физические процессы, основные характеристики и параметры натодных ламп. Стр. 30. Остроумов. — Физические процессы современной радиотехники. Стр. 16.

Эти книги высылают по почте немедленно по получении заказа (можно почтовым марками)

МАГАЗИН № 4 Госиздата РСФСР. Гор. Москва, Никольская, 1/8.

У СЕБЯ ДОМА
 каждый может легко приготовить **ПРОВОСКОДНЫЙ ИЗОФИР** из кефирных лепешек произвора, И. И. Александрова, разрешенных Наркомздравом Р. С. Ф. С. Р. ЛЕНИНГРАД, Санаторный, 5, кв. 9. тех. 5-40-92 Пров. Я. И. Александрову.

Величайшее произведение мировой литературы
ДЖ. СВИФТ ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА
 Беспощадный роман-сатира выказывает на русском языке впервые полностью с восточного мест, вымышлен, царской цензурой.
 700 стр., более 400 иллюстрац. знаменит. худож. Грания.
 Цена в худож. перепл. с золот. лот. тиснен. вой- 3 р. 80 к. пер-обложке и картон. Выс. деньги вперед, заперес. не платит.
 Издательство „АНАДЕНИЯ“
 МОСКВА 9, Тверская 26/0.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА РОМАНОВ
 За 2 руб. 50 коп.

Вы можете получить в течение полугода в удешевленном издании

РОМАН-ГАЗЕТА

12 больших художественных романов современных русских и иностранных писателей. „РОМАН-ГАЗЕТА“ выходит два раза в месяц. В каждом номере — большой совершенно законченный роман. В течение ближайшего полугодия выйдут следующие романы и повести:

- № 13. Горький. Мои университеты.
- № 14. Инга. Начало (повесть).
- № 15. Пафлов. Вруски.
- № 16. Л. Толстой. Каваки.
- № 17. Травин. Корабль смерти.
- № 18. Логин-Леония. Дикое поле.
- № 19. Б. Яковлев. Я жгу Париж.
- № 20. Ю. Лебедевский. Попорот.
- № 21. Чумандри. Губкомцы.
- № 22. Шолохов. Тихий Дон.
- № 23. Фадеев. Последний из Удега.

Каллиграфия

ПЕЧКО И СПОРО можно научиться красиво писать—изучить каллиграфию, пользуясь вновь, вышедшими наводными тетрадками. Буквы начертаны голубой краской, поверх которой пишут чернилами. Весь курс каллиграфии в 4-х тетрадах (128 стр.) стоит 2 руб., перес. 30 к. Подробное руководство по каллиграфическому письму (64 стр., 118 рис.) стоит 1 р. 20 к., перес. 30 к. Присылающие деньги вперед, за перес. не платит. Выс. и кал. плат. .Адр.: Ленинград, 28, Кировская, 2. Д. А. ПИСАРЕВСКОМУ.

ДЕШЕВЫЙ СТОЛ
 Сост. по Е. МОЛОХОВЕЦ.

Настоящая поваренная книга. Разнообразит пищу ассортиментом меню в 500 разн. блюд (запеканки, омеги, ужины, десерты, настойки, печенье, и т. п.). Быстро укачивает читателей. Блюда на мясной и вегетарианск. ниди. Удешевляет стол, значительно облегчая работу домашн. хозяй. Ц. 1 р. Немецк. выемд. налож. плат. Москва, Политехнический музей, пом. 116/0.

„КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ“

ВЫ НЕ РИСКУЕТЕ покупать у нас **МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ**

по ценам и качеству **ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ**

Заказчикам предоставляется право обмена купленного инструмента.

ГИТАРЫ 15, 18, 20, 22, 24, 26, 30, 40, 50 и дорожж.

МАНДОЛИНЫ 12,50, 15,50, 18, 19, 20, 24, 26, 30, 35, 45 р. и дорожж.

БАЯЛАНЫ 5,50, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30 р. и дорожж.

ГАРМОНИИ полуавтоматические 28, 30, 35 руб., автоматические 2-рядные 40, 50, 60, 75, 85, 100, 125 р. и дорожж. **Обязательно указывать строй.**

СИРПКИ (подернанные) 20, 25, 35, 45, 60 р. и дорожж.

СМЫЧКИ 12,50, 15, 20, 25 р.

ГРАММОФОНЫ 50, 75, 80, 95 руб. и дорожж.

ПИАНИСКИЕ барабаны 15, 16, 19, 25 руб. **Трубы** 19, 20, 22 руб. и дорожж.

Музыкальным клубам и воинским частям скидка 5%.

Заказы исполняются быстро и аккуратно наложенным платежом по получении 30% задатка.

Упаковка и перевозка за счет заказчика по себестоимости

Иллюстрированный пребе-куралт с истор. муз. центр. прр-доц. С. И. ЧЕМОДАНОВА и календарем высмд. за две 8-коп. марки.

ВСЕ ЭТИ РОМАНЫ ВЫХОДЯТ В НОВОМ ФОРМАТЕ

типа еженедельных журналов, очень удобным для чтения в дороге и дома. Продажа во всех газетных киосках. Цена отд. номера — 25 к. Подписку — по цене 2 р. 50 к., за 12 романов—принимает издательство

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“
 Москва—Центр, Кузнецкий Мост, 7, отд. 1.

МЯСНИЦКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА
 МЯСНИЦКАЯ ул., д. № 4 (четверг), у Лубянок. пл. в Тел. 1-89-93.
ПРИЕМ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

ДЕТСКИЕ с 8 ч. у. до 8 ч. в.

Внутренние с 8-8
 Хирургические с 8-8
 Женские и акушерск. с 8-8
 Нервные с 8-8
 Туберк. легких с 8-1, 3-8
 Бол. сердца с 10-2, 4-7
 Венерические с 8-8
 Мочеполовые с 8-8

Кожн., леч. угрей и летен, лечение волос . . . с 8-8 в.

Женская гоноррhea с 8-2, 3-8 „
 Уха горла и носа с 8-8 „
 Зубные, лечение,плом-бир, и акушерств. зубы с 8-8
 Глаза, и подбор очков с 9-8
 Желудочн. и киш. с 9-2, 3-7
 Анализы (кровь, моча и др.) с 8-8 „

РЕНТГЕНОВСКИЙ МАШИНАТ: просмек. снимки и пр. с 9-2 и 7-8 ч.

ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ. — Воскресный прием 9-4 час

ПРИЕМ И КОНСУЛЬТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ ЕМЕДНЕВНО.

СПРАВОЧНИК
 ПО ЛЕКАРСТВЕНН. РАСТЕНИЯМ.
 Сбор, оушка, разводен. 136 стр., с атласом в 73 табл. в красках.
 Сост. Комарев. Ц. 2 р. 50 к.

ПОДАРОК
 МОЛОДЫМ ХОЗЯЙКАМ
 Поваренная 450 мясник и К Н И Г А 450 вегет. блюд 1927 г. Сост. Ел. Молоховец. Ц. 1 р.

ПРАВИЛЬНО ПИСАТЬ
 выучиться, приобрести самоучитель каллиграф. и скорописи (контр. печатня). 1927 г. Сост. Волычен. Ц. 1 р. 25 к.

А ТАКЖЕ НОВУЮ КНИГУ
 высылают наложенным платежом

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН „НАУКА И ЖИЗНЬ“
 Москва 19, Воздвиженка 4/0.
 Фирма существует с 1905 г.

КИТАЙСКИЙ КВАДРАТ-ГОЛОВОЛОМ

Интересн. и увлекат. для молодежи и взрослых. Ищут. различные. Поиски. тренировка ума. Дает 60 замклов. фигур. Высмд. по получ. 48 коп. марками.
 А В Т. Л. И., Владивосток, 40.

КНИГУ ЛЮБУЮ
 (как новую, так и старую) высылают наложен. платежом. Месл. Об'ед. ИНИГОСНАБМЕННЕ. МОСКВА, Гум 209/0.

С уценкой в 70%
 продают. искл. интер. компл. книг:

I. Библиотечка переводной и ч. русск. беллетристики:
 10 кн., вместо 11 р. 35 к. — 3 р. 40 к.

II. Библиот. „ОПОРА“:
 7 кн., вместо 6 р. 45 к. — 1 р. 20 к.

III. Библ. Научно-экономич.
 (Труды проф. Лондона, Крижачевского, Борхардта, Зомбарта, Цаглована, Н. Морозова, Грекова, Введенского, Бюхера, Брентаво, Федорова, Святловского, Платикова и др.)
 16 кн.: вместо 26 р. 45 к. — 8 р. 80 к.

Заказы с задатками (не менее 25%), можно почт. марк.) адресовать: Ленинград, пр. 25 Октября № 9

Учредсектор Центр. Тип. ИКИМ.

СПЕЦ-МУЗЫКА
 МОСКВА Центр, Покровка, 16/30.

В АМЕРИКЕ
 ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА проф. ГЕНРИ ВАН-ЛУНА выдержала в короткое время 1.000.000 экземпляров тиража

Полный перевод этого издания в двух томах большого формата, с многочислен. иллюстрациями высылается немедленно наложен. платежом по цене 4 р., в роск. тиснен. золот. переплесте, по цене 5 р. 50 к. Выслать деньги вперед за переводку не платит. Заказы, заказы, деньги на это издание, а также на все книги всех издательств адресуйте: Москва, Центр, Политехнический музей, 116/0. „КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ“

ИСПЫТАННЫЕ СРВД-СТВА ЛАБОРАТОРИИ Кооперативного Т-ва „ЭЛЭМ“
 МОСКВА, Тверская 15.

Порошок для моментального уничтожения волос.

„ДЕПИЛАТОРИИ W. M. — ЭЛЭМ“

Зачесывает роот волос. Цена 1 р. 75 к., 3 р. 50 к. и 6 р. 50 к.

Россетерский посетанонитель 2 р. 75 к. Постепенно возвращает СЕДЫМ волосам их природ. Голлиц-Лак для обуви в номан. ных изданий 45 коп.

„Ворон“ для чернения номаных изданий (нуртов) 45 копеек.

Высмд. только по получ. половины отстоимости почт. марк. Перес. по себестоимости. ПРОДА-ЖА в АПТЕКАХ, МАГ. САНИТ. и УНИВЕРМАГ.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ХОЗЯЕК
 книга содержит следующ. отдуля:

поваренкой и домашней (мясной и вегетарианской) стол, различные тесто, варенья, соденья, маринады, напитки, конченые. Наставления для готовки на прикуее. Цена с перес. 2 р. 85 к.

Такая же общедоступная книга: „ПОДАРОК МОЛОДЫМ ХОЗЯЙКАМ“ Цена с пересылкой 1 р. 30 к.

Адрес: Москва, ул. Гареона, 22/8. Книжн. Дело „Просвещение“.